

Кавказскій Край

Еженедѣльный литературно-общественный органъ

съ иллюстраціями и каррикатурами.

Открыта подписка на „Кавказскій Край“

(Подписка принимается съ 20 марта до конца года).

ОТЪ КОЛЛЕКТОРА:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой на годъ . . . 7 р.
на 6 мѣс. . . . . 4 р.
на 3 мѣс. . . . . 2 р.
До конца года: . . . . . 5 р.
Безъ доставки на годъ . . . 6 р.
Допускается разсрочка: при
подпискѣ 3 р. и по 2 р. въ два срока.
За границу . . . . . 14 р.
За пересылку адреса городского
и городского на иногородній
уплачивается 40 коп. марками.

Отдѣльные номера по 15 коп.
Плата за объявленія, за каждый
разъ, впередъ текста въ строку де-
тисъ—30 к., позадъ текста—20 к.,
многочисленныя объявленія печата-
ются со скидкой. Лицамъ, ищущимъ
трудоустройствъ, 50%.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ газеты, на Головинско-
мъ проспектѣ д. Мдивани № 12, ежедневно отъ 10 ч. до 3 ч. дня.
Встрѣчныя объявленія послѣ 3-хъ часовъ пополудни принимаются не-
посредственно въ типографію Товарищества „ТРУДЪ“, на Фрейлин-
ской ул. до № 5.

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

Рукописи должны быть напи-
саны на одной сторони листа, яв-
но, съ обязательнымъ фамилія ав-
тора, его адреса и условій гово-
ривъ въ противномъ случаѣ, онъ
считается безвѣстнымъ.

Рукописи не напечатаннымъ
статей и корреспонденціи сохра-
няются полгода.

Редакція оставляетъ за собою
право сокращать и исправлять
присланные для печати рукопи-
сы. Объявленія, присланные
въ редакцію, органъ будетъ да-
вать отъимъ.

Личныя переговоры съ редак-
ціей отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Содержаніе:

- 1) Стихотворенія.
- 2) Голосъ изъ деревни.
- 3) Сигурети.
- 4) Крестьянское движение въ Торекскомъ уездѣ.
- 5) Лѣсъ и гроза.
- 6) Пашуръ Сетиса 1-го.
- 7) Изъ насельныхъ мотивовъ.
- 8) Штришки съ натуры.
- 9) Шумимъ, братцы шумимъ.
- 10) Система городскихъ выборовъ.
- 11) Городекия дѣла.
- 12) Какъ укунется, такъ и откажется.
- 13) Баку.
- 14) Театръ и музыка.
- 15) Надо полагать.
- 16) Письма въ редакцію.
- 17) Каррикатуры и объявленія.

Плѣнный соловей.

Изъ южныхъ лѣсовъ вдругъ на снѣгъ холодный
Свезенъ соловей былъ—тысящъ благодарный;

И хоть въ золоченой, все-жъ въ клеткѣ своей,

Унылая пѣсни лишь пѣлъ соловей...

— „Скажи мнѣ, о чѣмъ ты въ тиши полуночной,

„Плещь страсти южной и тѣни восточной,

„Посѣи такъ уныло и грудь надрываешь,

„Но звонкою трелью нашъ слухъ не ласкаешь?

„Ужель испугалъ тебя снѣжный холодъ?

„Что холодъ для тѣхъ, кто душой еще молодъ?

„Къ тому-же не долговъ вѣкъ царства мороза;

„Весной и у насъ распускается роза:

„Забудешь, вкусивши ея ароматъ,

„Ты юныхъ красотки и дѣтственный садъ!“

Такъ молилъ, къ тѣмъ обратившись, поэтъ,

И вотъ, что услышала изъ клеткы въ отвѣтъ:

— „О, что! Не страшны мнѣ ни жаръ, ни морозъ,

„Ни даже стихія бушующей грозы;

„Не жаль мнѣ красавицъ и глазъ ихъ лучистыхъ,

„Не жаль мнѣ и розъ ароматныхъ, душистыхъ...

„Но люди—жестокія дѣти природы—

„Лишили меня лучшей доли: свободы!

„И въ злобѣ безмѣрной достигнуть устали

„Во вздохъ обратитъ мои пѣсни и тремъ!“

И снова о прошлой свободѣ своей

Уныло тѣсно затѣлъ соловей...

Ал. Рчевуловъ.

Зубной Врачъ

А. Т. Сологовъ.

Пріемъ: отъ 9—2 час. дня и 5—7 час. веч.

Головинскій пр. д. Мдивани № 12. 11—3—3

Гор. Тифлисъ, уголь ГОЛОВИНСКАГО просп. и КРУЗЕН-
ШТЕРНСКАГО улицы, противъ Опернаго и Драматическаго те-
атровъ, близъ судоустройствъ учрежденій **Вновь Открытая Пер-**
воклассная Гостинница **РЕСТОРАННОМЪ**
съ Первокласснымъ

Гостинница АНГЛЕТЕРЪ

которая роскошной обстановкой можетъ смѣло равняться съ
лучшими гостинницами столичныхъ городовъ Европы.

Номера отъ одного рубля.

ОБЪЕДЪ ОТЪ ПЯТИДЕСЯТИ КОПЕЕКЪ.

12—3—2

Содержатель Оменцетеръ.

Удѣльные вина

Кавказскихъ и Крымскихъ Удѣльныхъ имній.

Въ Удѣльномъ подвалѣ на Пхметской ул.

Съ 1-го Марта новый преісъ-курантъ старыхъ выдер-
жаныхъ винъ. Выпущено въ продажу старое ТЕЛІАНИ по 1 р.
20 и 1 руб. 30 коп. за бутылку. Тамъ же отговая и розничная
продажа **Хлопкового столоваго масла** высшей оцѣн-
ки изъ Мургаб-
скаго государева имнія (по пѣвѣ 18 к. за фунтъ). 2—3—3

З а р я .

Зажалась заря; и ночь упрямо

Къ полямъ сползаетъ съ горъ крутыхъ,

И, разстилаясь болязною,

Въ ущельяхъ прятается сырыхъ.

А верхи торь уже окрасило
 Багрянцею зорьки золотой,
 И прихотливо разукрасило
 Чело их краской неземной.
 И озаренный зарею
 Поля, росой серебрясь,
 Трещит жизнью молодого,
 Отъ сна ночью пробудясь.

И ночь въ ущельяхъ молчаливо;
 И ночь лишь тамъ еще царитъ;
 Но встанетъ солнце—и пуливо
 Ночь, покорившись, улетитъ.

Взойди-же солнце! Больше светуй!
 Чтобы каждый могъ при блескъ дня
 За правдой утвердить побѣду,
 Отъ друа отличить врага.

М. Г. Казбекъ.

На мотивъ изъ Мами-Гуриели.

О, если-бъ была я царь, и мѣръ подь небомъ мой,
 И былъ я одаренъ безмѣрной, царской властью,—
 Повствовать, владѣть со всею безумной страстью
 М-бы хотѣла—одной тобою!

* * *

И если-бъ Богомъ стала, повѣрь, въ единый мигъ
 Я-бъ исполняла твой вѣзвѣдъ, любила твою движенье,
 И небо отда-ла-бы въ твою владычу,
 Но сама—съ молитвою къ ногамъ твоимъ приникла!

Т. Бекназова.

Толость изъ деревки *).

II.

— Вы удивляетесь,—продолжалъ мой знакомый помѣщикъ, когда мы усѣлись въ городскомъ скверѣ,—моему утвержденію, что помѣщики меньше, чѣмъ кто-либо, предвидѣли возможность крестьянскихъ безпорядковъ. А между тѣмъ я настаиваю на этомъ мнѣніи. Судите-же сами. Чѣмъ до самаго послѣдняго времени были въ глазахъ другъ друга помѣщикъ и крестьянинъ, и какова была, вообще, наша сельская жизнь въ послѣдніе годы? Я оставляю въ сторонѣ чисто внѣшнія и формальныя условія деревенской жизни, какъ-то: правовая и земельныя отношенія, сословныя и прочія огражденія, административныя неустройства и ко-снусь, такъ сказать, нравственно-бытовой стороны вопроса, ибо полагаю, что именно здѣсь кроется разгадка наблюдаемыхъ теперь аграрныхъ недоразумѣній и въ особенности того характера и направленія, которые приняло послѣднее движеніе. Вообще недовольство крестьянъ своимъ положеніемъ объясняется, конечно, исключительно экономическими причинами, но что это недовольство съ перваго-же раза направилось противъ помѣщиковъ, тому имѣются осо-

бы, если можно такъ выразиться, специфическия причины и осложненія. У насъ, вообще, въ грузинской деревнѣ помѣщиками, по большей части, являются дворяне. Къ счастью нашему, сословіе это еще не оторвалось окончательно отъ родной земли. Дворянскія помѣстья, за исключеніемъ немногихъ, не усѣли еще очутиться въ рукахъ кулаковъ-скушниковъ, эксплуатирующихъ землю въ большинствѣ случаевъ съ хищническими цѣлями. Повторю свой вопросъ—чѣмъ до послѣдняго времени были въ глазахъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ крестьянинъ? Одни открыто и всенародно проповѣдывали, что крестьянинъ нашъ „попросту развращенный и озвѣрѣвшій пролетарій“. Это гонимъ помѣщиковъ, въ иныхъ случаяхъ очень энергично отстаивавшихъ высокіе принципы гуманности и человеколюбія. Скажите теперь, какія мѣры можно было рекомендовать въ отношеніи крестьянъ на основаніи подобныхъ мнѣній. Думаю, что исключительно режимъ, прекрасно характеризующійся изрѣченіемъ, ставшимъ достояніемъ исторіи,—„въ бараний рогъ согну!“ И мнѣніе это было мнѣніемъ не одного человѣка, а имѣло среди помѣщиковъ не мало сторонниковъ. Другая группа помѣщиковъ, хотя и не столь громкогласно и не въ такихъ мрачныхъ краскахъ рисовала наше крестьянство, но тѣмъ не меньше, гдѣ только возможно было, хотя, правда, и съ сожалѣніемъ, но всегда отмѣчала: „продурная бестія нашъ крестьянинъ... Знаете, спитъ и видитъ во снѣ, какъ-бы васъ подзадуть. До того онъ развратился, до того обнищалъ духомъ, что положительно ни въ чемъ до-вѣрится ему нельзя“. Были и такіе, которые утверждали, что крестьянинъ нашъ „настоятельно мало развитъ, мало способенъ, что никакая культурный прогрессъ для него невозможна“. Приводились ими тому и примѣры. Примѣры, которые казались прямо таки сверхдоказательными въ этомъ отношеніи. Указывали на дѣятельность удѣльнаго вѣдомства и поражались, что наши косные крестьяне не въ состояніи перенять усовершенствованныхъ способовъ культуры изъ тутъ-же рядомъ лежащаго сада. Указывали также на примѣръ вѣщевъ-колонистовъ, которые также никакъ не могутъ повліять на нашего крестьянина, закоренѣлаго, яко-бы, приверженца первобытной культуры. Адепты этого ученія упускали, конечно, изъ виду, что не говоря уже объ удѣльномъ вѣдомствѣ, видимое и кажущееся благоденствіе вѣщевыхъ колонистовъ создано на исключительно благоприятной почвѣ, въ искусственной, специально для нихъ созданной выгодной обстановкѣ. Примѣръ Гурія и другихъ нашихъ крестьянскихъ обществъ показалъ, что крестьяне наши во многихъ отношеніяхъ опередили даже вѣщевъ-колонистовъ, въ сущности говоря, въ своей духовно-политической жизни заставшихъ на уровнѣ чуть-ли не средне-вѣковой культуры. Таковы были наиболее характерныя мнѣнія нашихъ помѣщиковъ. Большинство-же изъ нихъ смотрѣло на крестьянина просто какъ на рабочую силу, уподобляя его какому-то среднему существу между животнымъ и человѣкомъ. Были и такіе, которые вообще совсѣмъ не интересовались крестьянствомъ, жили гдѣ-то вдали отъ своихъ помѣстій и занимались всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не своими вѣшнями; между послѣдними особенно много служащихъ чиновниковъ. Вотъ какъ наши помѣщики

*) См. „Кав. Край“ № 7.

смотрели на крестьян в то время, когда это крестьянство систематически обирали и развращали, когда крестьянин бросал свои храмы, занятые потоками крови его предков, бросал потому, что все в них становилось для него чуждым, непонятным, а нерядко и враждебным вьюковым устоям его истории. Народ изнывал под гнетом искусственно созданных ограничительных преград, в безропотной, казалось, тьме, в тяжелых, невыносимых экономических условиях, гнуть шею под непосильной административно-бюрократической опекой, а помещик со стороны критиковал его и собирал... с него-же дань, да при том нерядко и по игоренски—двойнью... В сущности говоря, „рождения в народ“ в самом благородном, чистом смысле, подобно тому, как это наблюдалось в России, у нас не было. Лучшие силы наших помещиков, бросив народ на произвол судьбы, бжали прямо таки из деревни. Возможность получения шинегурь и теныхих мбств затуманила глаза и заставляла забывать все другое. И ббство это поощрялось всеми способами и средствами, и создаваемые возможностью доплать до замка на противоположном берегу, маниащая своею роскошью и богатством, они скользили по тинь все глубже и глубже. Быть может некоторым из них и удалось достигнуть этого замка, но большинство или погибло, или-же течением отнесено в чуждыя, незнакомыя мбста и, оторванные от родной почвы, эти последние влачат на новых мбстах, в искусственно-привитых им условиях, жалкую жизнь, прожывая и своих соблазнаителей и свою неадекватность. Интересовался-ли когда-нибудь наш помещик внутреннею духовною жизнью крестьянина, свбдывал-ли за постепенным ростом и развитием этой жизни, наблюдал-ли он наиболее характерные и важные симптомы ея? Я смбю отвбчаю, что нбтъ. Он или огораждал неприступной, чисто китайской стбной бблых рыцарско-феодалных традиций, давным давно отживших свое время, или ббжал въ распростертыя объятя гостеприимной бюрократии. Потерявъ почти весь свой престиж и власть съ падением крбпостного права, помещики не ударили даже пальцем о палец, чтобы приобрести болбе прочный и надежный авторитет нравственный, авторитет сословия дбствительно лучших людей народа. Оставшеса на землб помещики, лишеныя дарового труда и сами не приобретающие способности къ работб, во съ другой стороны сохранившие возможность кое-что тинуть съ крестьян, конечно на этомъ послбднемъ обстоятельстве въ принужденны были основать свое материальное благополучие. И жизнь на чужой ечетб, в сущности, продолжалась и все больше и больше развращала живущих этою жизнью. Помещики мелчали, жизнь уходила вперед, они-же, неприспособленные и неподготовленные, отставали, вырождались. А лучшие и способные ихъ представители въ тоже время вдали от нихъ и от родного крова топили свои таланты въ бюрократическихъ чернилахъ, часто предпочитая звание канцелярскаго служителя своему громкому титулу и, при иныхъ условияхъ, природному высокому назначению. Что грбха таить, они нерядко весьма способами и средствами отщепенались не только от грузинскаго крестьян-

ства, но даже от своихъ собратьевъ дворянъ-помбщиковъ, оставшихся въ деревнб...

— Однако,—вдругъ вставъ, воскликнулъ мой собесбдникъ,—мы съ вами заговорились, а мбъ, вбдь, еще кое куда надо сегодня усбтъ сходить...

Я высказалъ ему сожалбние, что разговоръ нашъ мы принуждены прервать на самомъ интересномъ мбствб. Что охарактеризовать некоторыхъ помбщиковъ, онъ ничего мбъ про крестьянъ не сказалъ. Не сказалъ своего мбвня въ концб концовъ и о крестьянскомъ движении.

— Если это васъ такъ интересуетъ, то вы мбъ позволите зайти въ намъ и мы продолжимъ нашъ разговоръ.

Я съ радостью согласился на это и извинился, что самъ не догадался предложить ему это.

На этомъ мы расстались, чтобы свидбться на другой день у меня.

Независимый.

Силуэты.

(Посвящается сестрамъ Татейшвили).

Деревушка Гудаловка качала страдальчьи злобный день. Повеселбля загорбвшихъ угрюмыя лица косцовъ, уже давно потерявлю и хмуро всматривавшихъ на немилосердно палившее солнце, пока наконецъ безстрастный циферблатъ природы, залившихъ яркимъ пуруромъ, не скрылся за притихшими пригоркомъ. Воздухъ неподвиженъ и тихъ. Тихо и среди потемненныхъ труженниковъ, и не скоро еще июльскому душному вечеру удается высушить прилиплия къ исхадшему тбзу рубашки. Здбсь какъ бы свбдали солнечный лучъ и трудъ человбка, видоизмбвнше ихъ энергию. На скошенномъ поле и раскинувшийся у подножья Гудаловки лучъ съ пожелтвшемъ зеленью нехоти и лбвню ложился чуть замбтныя тбни; смолкая неотомленной, надобливый трескъ хлопотливаго кузнечика и потнувший слска вбтерекъ изрбдка доносили дбловой, озобоченныхъ речитативъ коростеля, то здбсь то тамъ выплывающаго надъ прильнувшими къ землб налитыми султанами проса. Знакомая пбсня крылатаго соббда, пробудивъ косарей отъ безмолвия, напомнила имъ о расчетливой барской контролб, куда предстояло идти за получениемъ квитанций. Работали у помбщика, смежная земля котораго обила обширною площадю. „А что, ребята, не пора ли намъ за квитками?“ послышался звонкий, залорный теноръ любимаго Гудаловки, Алеши Карпова.—„Вестимо пора, пойдете!“ откликнулось ему нбсколько голосовъ, и затянута безконечно унылую пбсню, рабоче запатали къ синбвнейшей неадекватъ опущкъ березоваго лбса, скрывавашаго за собой барскую усадьбу. Незатйали и просто мотивъ русской пбсни, но съ нимъ выросъ крестьянинъ, весь укладъ его жизни духовной отражается здбсь. Пбвъ вбювъ оказался короткой, чтобы выколать поныя, экономически лучшие формы труда пахаря, и безвыходная грусть его пбсни осаждаетъ въ себб горечь сознания, какъ осаждаютъ журчащай чистый родникъ на ббгу поумтввшую примбсь. Косцы пбли все громче и громче, приближаясь къ потбнбвшему лбсу, какъ вдругъ нбсколько отставшия и задучию шедшия поотдалъ молодой стройный парень какъ то рбзко и внятно крикнулъ: „слбши, земляки, вотъ что—возмите на вы за меня фитоку—я не пойду.“—и визжалю оборванная пбсня замерла въ отбвнбвшемъ воздухб, поджидая отбвтное эхо. Изумленная отказомъ товарища артель, однако, быстро отправилась дальше, бросивъ на ходу свое односложное „ладно,—ужо принесемъ“. Оставшися одинъ, Степанъ машинально трянуть головою, какъ бы отмахиваясь отъ назойливой мысли и осмотрблся кругомъ.

Перед ним чернели приземистые кусты ракиты на косогоры, а за ними внизу слышались тихие влесские ручьи, оглобавшего Гудаловку. Раздвинутая кусты, Степняк осторожно спустился к берегу и, растнувшись на мягкую траву лицом к водной ленте, задумался.—«Долго ли мне тянуть еще эту полубрабскую ламку, перенесу-у его в мыслях, не порвать ли сразу последние нить, бросить старуху мать и уйти на фабрику в город?»

Картины прошлого ода за другой вереницей оживали в голове Степняка. Вот он, десятилетний Вася, бьжеть в школу, похрустывая изобранными сапожками по морозному утрунению сибгу. До села, где находится школа, два верста, надо сбиться, а гаметенные сугробы сибга почти на каждом шагу заставляли спотыкаться и падать. Наконец он вь шкоть. Чуть переводит дыхание, мигая рбенками, смотрит он на учительницу, засквоз улыбающую ему; раздвинув идет вь классную комнату, но на пути сталкивается съ батюшкой.—«Ты что, постреленок, опаздываешь!».—«Холодно, батюшка, да и ноги устали».—«А, тебь холодно!» и вслдь за последним восклицанием посылалось согрвание дичейкой. По благословению божему будучи не только первоклассным отцом, но и отцом многочисленного семейства, батюшка прибавлял какь дама, такь и вь школу кь своему, какь онь выражался, «педагогическому методу». Методь этоть стоял не мало горьких слезь малышам и бодьшей за них душею учительниц. Васю какь то особенно не долюбывал батюшка. Не выносил онь этой худенькой, подвижной фигурки съ рьзвым, шаловливым взглядом. Прямота и независимое, смьлое поведение Васи, рьзко выдблявшие его вь группь остальных дьтей, раздражали потченного просвьетителя. Однажды, разсыпая грьхь чревугодия и обличая обжорство, батюшка прибавлял, что ему часто приходится краснеть за крестьян. Вася недоумывал и замблял товарищам, что они вь деревнях по недбамь кровь чертавога хьба ничего не дьят и что идеть батюшка, а особенно нось, краснеть оть чего-то другого. Недоумьние Васи едва не кончилось удалением его изь школы. Воспоминание о дьтских годах взволновало Степняка: первымь движением онь перевернулся навзничь.

На ветру жадно тянувшимся дьточнымь чашечкамь спускалась роса. Нарядный колокольчик, любуюсь сквозь кристаллически—прозрачную влагу засвнчивую сосьдкой лядлей, шль вьметь съ нею братскую, крупную каплю.

Звонкий шатерь раскидывался надь Степнякомь все шире и шире, но онь неподвижно лежал, не замбчая неутомимой работы природы. Вот онь вспомнил недавнее прошлое. Онь вь городь. Заработок на проволочномь заводе, едва поддерживая его собственное существование, не позволяя и думать о помощи матери, которую онь такь любил. Отгоравшись оть деревни, Степнякь быстро познал ту неизмеримую разницу между земледьческимь и промышленнымь рабочимь, которая лежит вь ихь развитии и обстановкь труда. Замблять онь также и поразительное сходство ихь относительно собственности: оба ничего не имьют, оба работают на других. Но одинь дьствуеть осмысленно, ясно сознавая свое настоящее положение, другой же, обманывая себя, бредит мнимой земельной собственностью. Заботы, вьсватая Степняка, какь сознательного борца за улучшение своей жизненной доли, положили, однако, непреходимую пропась между нимь и патриархальнымь бытомь его семьи. Отець такь и умер, другая его «бунтовщикомь»: мать же, любя Васю, уговаривала его бросить «грьховную мастеровщину» и прьбать обратно «хозяйничать». Дорого стоило сначала печальнотельному, развитому Степняку выслушивать укормь родных, повторявших на разные лады одно и то же, заученное со словь односельчан. Лишь со временем, увидьв, что укормь эти представляють собой вь сущности дьтский, бессмысленный лепет, онь примирился. Время бьжало. Волны рабочего движения, расходьсь шире и шире, задбав заводь, где

работал Степняк, спеся до основания одрахвативши режимь внутренней жизни завода, какь смываеь потосными напоромь моря еше города, хотя и вывьрившаяся оть времени скалы. Степнякь быль душою протеста рабочихь, природнымь ужь, выдержанность и безавытная преданность дьлу привел обиденныхь товарищев кь общей цьли. Но, удаленный администрацией завода, и не желая вызывать дальнйшихь споровь между ней и вступившимся за него товарищамь, Степнякь вскорь ухаль вь родную Гудаловку. Не долго смоу выдержать онь душнвую его атмосферу заботности и безосознательно-рабской униженности крестьян. Столкновение проснувагося мысляго труженника съ еще дремлющей инертной массой оказалось неизбежнымь. Степнякь разбиль послдья грехь пахаря; его вьру вь «добраго милостивца барина». Глухое недовольство и ропоть росли, угрожая подобно соскозавшему лавинь стихийно обрушиться и придатьь сьбою расщивавго ей путь и направляюшаго ее движение земледьца долины.

Незнакомым съ психологией крестьян, Степнякь быстро завоевалъ себь симпатии лиць, пользовавшихся уважениемь деревни и, располагая ими, какь передаточными пунктами, быстро овладеть настроениемь массы.

Алена Карповь полюбилъ его оть души и дьлать съ нимь все свои затанная мысли. Сегодняшний вечерь быль для Алены пробнымь испытаниемь. Вь барской расчетной конторь выдавались квитанции на получение заработанныхь денегь копейки Гудаловки и объявлялось гудаловскимь рабочимь о замбн ихь сосьдямь изь полуразорившагося «Потьхвина», небольшого села, когда то сплошь заселеннаго скорохрами, пласуньями и музыкантамь, развлечавшимь ихь властелина—помьщика. Контора вьводила пожизненную плату копейкамь.

Алена, родившись вь Потьхвинь и принятый обществомь Гудаловки вслдь за женитьбой его вь этой деревушкь, много содбствивать сближению обоихь селений, находился съ нимь вь постоянныхь сношенияхь. Быль вырвать общий трудь; установлено общее пользование дьсомь и одинаковая норма вознаграждения съяснения на религиозныя требы. Дальше этого, однако, понимание общности экономическихь интересовь не шло, и лишь съ прьблдомь Степняка Карповь, усвоивший его взглядь на жизнь деревни и ее права, все свое свободное время посвятил потьхвинцамь, беседуя съ нимь обь общихь нуждахь крестьянства. И воть, теперь, стоя передь управляющимь усадьбой, Карцевь от имени товарищев заявлял, что понижение и безь того скудной платы они считают явной несправедливостью; стоящая дьсь же толпа изь Потьхвина стыдливо потушила головы и, вь замьнательствь переменил съ ноги на ногу, хранила упорное молчание. Управляющий крикнул было Карпову: «убирайся, тебь духу твоего не было, сейчас же!» Но Алена уже не слушалъ его и, обратясь кь потьхвинцамь, ублажал ихь не сбнать заработной платы, а помочь гудаловскимь рабочимь отстоять общее правовое дьло. Недолгое колебание смьнилось единодушнымь «и то правда, ребята, что туть канитель то разводить—не станемь на работу и все туть. Ужь ты такь какь خواه, Ивань Потофенч, а меньше гудаловскихь мы, значить, никакь не пойдемь, воть тебь и весь сказь нашь». Толпа, повернувшись, направилась къ выходу, какь вдругь произошло нечто неожиданное. Десятко дождихь руть схватил Карцова, и его потащили вь возок. То была внезапно появившимся изь конторы стражники, призванные управляющимь, «связать бунтовщика» гремьля его хриплымь голосомь. И на виду товарищев Алешь скрутили руки.

На утре Степняк, узнав о рьшении потьхвинцев, быль уже вь волосы и давь вызванному для дознания исправнику добровольно арестовать себя, какь главного вожака, отправляясь на экстренной подводь вь городскую тюрьму. Алесю освободили.

Крестьянское движение в Горском уезде.

(Тифлисскаго уѣзда).

Движение крестьян горскаго уѣзда началось почти одновременно съ движеньемъ въ горскій уѣздъ.

Публика, мало знакомая съ основными причинами современнаго крестьянскаго движенія на Кавказѣ вообще, а въ частности въ Грузіи, обыкновенно говоритъ, и даже пишетъ, что движеніе это вызвано главнымъ образомъ притѣсненіями крестьянъ со стороны мѣстныхъ землевладѣльцевъ вообще, и въ частности землевладѣльцевъ дворянъ.

Лучшимъ доказательствомъ несправильности такого взгляда можетъ служить движеніе среди населенія горскаго уѣзда.

Нужно замѣтить, что это уѣздъ поцело историческихъ воспоминаній. Въ крупнѣйшія событія близкой исторіи Грузіи захватывали всю волной воздѣ всего населеніе этого района; оно первое подняло знамя возстанія еще въ 1812 году противъ произвола и притѣсненій пионеровъ повои, равные невѣдомой ему, бюрократіи.

Прошло съ тѣхъ поръ сто лѣтъ и теперь оно поднимаетъ тоже знамя.

Крестьяне этой мѣстности, въ противоположность горскімъ, не проявляютъ раздраженія противъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и весь гнѣвъ свой обрушиваютъ на правительственныя учрежденія и ихъ представителей: они разнесли сельскія школы, построенныя на ихъ же собственные средства, выгоняли отсюда всѣхъ учителей и учительницъ, которые „ничему ихъ не учили“, закрыли сельскія управленія, сельскіе суды, уволили старшинъ и судей, разнесли календарій акцизныхъ чиновниковъ, дѣйствій которыхъ совершенно разорвали и безъ того молодое крестьянское хозяйство, сняли дѣсьныхъ, полевыхъ сторожей и объѣзчиковъ, находящихся въ вѣдѣніи маркото-горскаго лѣснаго дѣла, и объявивъ искони крестьянскими всѣ мѣстныя казенныя владѣнія—лѣсныя, полевая угодья и горныя пастбища, отдали ихъ подъ охрану своей собственной стражи которая съ несравненно меньшими силами, чѣмъ правительственное лѣсничество, болѣе усильно охраняетъ лѣса, поля и пастбища, чѣмъ это было при казенномъ управленіи; крестьяне упразднили также все производство дѣлъ своего района въ мировомъ судѣ, къ которому населеніе питаетъ такое отвращеніе, что отказалось отъ начатыхъ уже споровъ и не желаютъ начинать новыхъ, пока не будетъ введенъ институтъ выборныхъ мировыхъ судей и судъ присяжныхъ.

Отвращеніе къ судебнымъ чинамъ доходитъ до того, что потерпѣвшій не желаетъ имѣть дѣла съ судебнымъ слѣдователемъ и само заинтересованное лицо не можетъ принимать судебного пристава для приведенія въ исполненіе рѣшенія суда.

Всѣ запросы уѣздной администраціи остаются несомнѣнно безъ отвѣта и оно само ни съ чѣмъ къ ней не обращается.

Такимъ образомъ, весь правительственный механизмъ въ горскомъ уѣздѣ остановился и населеніе фактически самоуправляется.

Всего замѣчательнѣе то, что это фактическое самоуправленіе явилось такой нравственной уздой для населенія, которая оказалась гораздо дѣйствительнѣе обычнаго принудительнаго начала, и горское уѣздѣ можетъ сѣбно похвастаться, что оно давно не помнитъ времени, когда локушей на частныя имущества и на жизнь въ ихъ мѣстности было бы такъ мало, какъ нынѣ.

Свѣдѣнія о такомъ положеніи вещей въ горскомъ уѣздѣ дошли до и. д. Намѣстника, который, не прибѣгая къ принужденію, приказалъ черезъ г. тифлисскаго губернатора объявить населенію горскаго уѣзда, что „разъ оно прекратило всякое сношеніе съ властями, этимъ самымъ оно лишило высшее на-

частье въ край возможности исполнить неотложныя общегосударственныя требованія, которыя должны быть немедленно исполнены теперь же, какъ напр., составленіе, производство списковъ, производство раскладки земскихъ сборовъ и т. д. „Нельзя допустить“, говорится да въ приказѣ, — чтобы какая либо часть населенія, находящаяся въ подданствѣ русскаго государства, отказывалась исполнять неотложныя свои обязанности, какъ представленіе вышеуказанныхъ списковъ...“

Это была первая бумага, къ которой населеніе отнеслось съ большимъ интересомъ.

Ишущему эти строки пришлось бы свидѣтельствовать разсмотрѣнія означеннаго приказа и. д. Намѣстника въ селеніи Сагодежко въ центрѣ горскаго уѣзда, гдѣ обыкновенно проходятъ большіе сходы представителей селеній этого уѣзда—Уджарымъ, Хашимъ, Сартчалы, Муганло, Патордзуети, Бергубанъ, Ниондмиди, Георцимиди, Антоки, Марамбхвари, Тихлиаури, Моные, Чадуури, Канлаури, Какобети, Бурдианъ и Горо-Муганло (послѣднія 4 деревни—Сигнахскаго уѣзда), въ объемѣ съ населеніемъ до 50.000 душъ.

Дѣло происходило на второй день св. Пасхи при огромномъ стеченіи представителей почти всѣхъ вышеуказанныхъ селеній. Нельзя не отмѣтить поразительной разницы съ вѣстной стороны между обстановкой сельскихъ сходовъ до начала движенія крестьянъ и теперь. Насиды, собиравшіеся подъ начальствомъ сельскихъ старшинъ, носили обыкновенно чепецъ подданности и рабскаго отношенія къ вопрошаемъ, подлежащимъ разсмотрѣнію.

Теперь не такъ; теперь вы видите на всѣхъ лицахъ необыкновенную сосредоточенность, всѣ чувствуютъ себя сильными, способными отстоять все то, что необходимо для духовнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія населенія.

На собраніи присутствуютъ всѣ: дворяне, торговцы, крестьяне, женщины и дѣти подростки; сплотившую массу грузинскаго населенія на сходѣ нестрагъ кое-гдѣ армяне, татары, русскіе, и евреи.

Всѣ ведутъ себя замѣчательно чинно. Собраніе безъ предсѣдателя. По приглашенію одного изъ упомянутыхъ тысячная толпа быстро занимаетъ мѣста на возвышенности; выдвигается изъ толпы ораторъ, занимаетъ мѣсто у подножія возвышенности и проситъ слова: сходъ разбираетъ и ораторъ обстоятельно и подробно разсматриваетъ приказъ.

(Оканчаніе слѣдуетъ).

И. Дивабадари.

Лѣсъ и Гроза.

(Изъ картинъ природы).

Это былъ старый, густой лѣсъ. Величаныя дубы, мошныя клены, вязы, украшенные дарственными покровомъ листьями, мелкій орешникъ, кусты бузины, шиповника, можжевельника!.. Все это почти слилось въ одно дѣло, перепелось съ побѣгами плюща, цѣпкой повилки, копривіями. Мохъ, сочный и яркій, темнымъ изумрудомъ застлалъ землю, заглушивъ топотъ животныхъ, пробрался во все углки и расклялся болѣзнями камней, нарядилъ ихъ въ бархатныя шапки, прикрылъ наготу столбчатыхъ стволовъ. И въ полутьмѣ зеленого покрова, не обитаяхъ цѣпкаго плюща и жаднаго мха стоялъ лѣсъ, закованный въ броню своихъ старыхъ стволовъ, погруженный въ полудрему. Даже свободный вѣтеръ не могъ проникнуть въ самую глубь его; онъ трепалъ и клонилъ верхушки дубовъ и вязовъ, точно жаждать сорвать съ нихъ пыльную корону листьевъ, сломятъ ихъ, ворваться во все углки лѣса, уничтожить оковы цѣпкихъ паразитовъ—растеній; нести въ душу свою зеленую мглу топотъ свѣжаго воздуха, дать солнцу, горячему, животворному солнцу свободный доступъ туда, въ глубину заволашанной чащи, чтобы уничтожить мракъ и прогнать сон... Но угрюмо и неподвижно

стоять здесь, а за ними вьба, дѣтищемъ которыхъ былъ онъ, вьба, сѣвшаеся его сильнѣе, темнѣе и страшнѣе; птичь, родныя дѣти свободы, не вѣли въ немъ, не гнѣдились въ его вѣтвахъ говоривыя малиновки, крикливыя грачи, зобки, шестуны, не слышно было въ немъ ихъ шепета и возни. Молчаливыя филины и сойки днемъ неподвижно сидѣли въ глубинѣ листьевъ, въ душлѣхъ, дѣтѣхъ однозвучно долбить кору стараго вяза, и только ночью короткіе, угроные крики этихъ хищныхъ пернатыхъ разносились въ воздухъ и, тяжело шумя крыльями, перелетали они съ дерева на дерево. Только звона ручьевъ не могъ заглушить старый здесь. Чистыя, воляныя струйки вѣли свои пѣсны, но грусто вьло отъ нихъ, точно съ неваримой печалью стлакивались капли, а шумъ большого потока былъ полонъ глубокой тоски. Вѣли ручьи о томъ, что настанетъ время и согрѣетъ ихъ ласковымъ лучомъ солнца, напоитъ пыннѣмъ весельемъ каждую кашлю, погонитъ живѣе каждую стружку ароматныхъ, свѣжій вѣтеръ, выгонитъ ихъ на проталину, и увидитъ они небо, безстрашное и глубокое. Но тѣнѣе смыкались ряды деревьевъ, еще глубже встали въ кору ихъ стебли полуличихъ растений, вѣжѣе становилась изуродуиый мохъ, и все тише, все темнѣе становилось въ лѣсу. И чѣмъ тише становилось въ немъ, тѣмъ звонче вѣли ручьи, и съ каждымъ новымъ рассыѣтомъ тревога и ожиданіе все яснѣе слышались въ звонѣ и всплскѣ ихъ, все напряженнѣе, казалосъ, молили они судьбу о солнцѣ, о ласкѣ вѣтра и неба.

И пришелъ день. Надвинулася гроза невиданная дотогѣ. Черными, тяжелыми, какъ свинецъ, тучами обложила она небо, издали уже сверхуа лѣсу молниеносными очами. Дико загорѣлись они... Неваситнымъ пламенемъ заглохло небо отъ ихъ взгляда и зарницы казались заревомъ страшнаго пожара. Шла гроза на лѣсъ мощная и страстная, сильная и свободная.

Загѣлъ вѣтеръ. Но страшна была вѣсна его! Все было въ ней; и дикое испугленіе, и упоеные стихіи, и злобная игра и жадный призывъ.

Дрогнули дубы, пропелся по всему лѣсу тревожный шопотъ. Каждая былина качулася, каждая листь затрепетала, каждая капля въ ручьяхъ загѣла; точно вѣтеръ, коснувшись ея, наполнилъ своимъ пыннѣмъ весельемъ. Дрогнулъ лѣсъ и опять зашелъ, и опять налетѣлъ вѣтеръ, сорвалъ съ дубовъ ихъ царственные кудри, разметалъ листья, сломалъ вѣтви и попадали съ нихъ гнѣзда ночныхъ птицъ. Тяжело хлопая крыльями замаялись филины по лѣсу.

Подолжа гроза, обивалась съ вѣтромъ, зарохотала, заверкала, расхохоталась и зашалакала гнѣвными, жаркими слезами. Сверкнули смѣлыя силія очи ея—и расколосли спаленные дубы, многие вяза и клены. Размыралась страшная гостыя: падали на лѣсъ огненные молнии, палили, жгли его, потоки воды мчались тамъ, гдѣ прежде ручей зливался серебряной ниткой, срывала вода на пути своецъ камни, мохъ и растенія, съ корнемъ выворачивала кусты и несла свои трофеи все вперед, все дальше, вонъ изъ мрака. Вѣтеръ рвался все итлѣе, все дальше, все страшнѣе становилась его неперенывная вѣсна, дикія поты звучали въ ней, и дико вѣли потоки. Падалъ дождь; каждая капля его, тяжкая какъ свинецъ, кричала о силѣ, о волѣ, о завѣтахъ природы. Стабался лѣсъ, такой мощный и непреклонный! Ломались деревья, съ трескомъ валылись тѣ, что неокруженной зеленой стѣною стояли такъ долго. Столько ужаса, столько безсилія, столько муки было въ наденіи ихъ.

И соединились тучи въ одно; скрестились молнии, какъ мечи; следились пѣсны вѣтра и потоковъ съ хрустомъ поломанныхъ вѣтвей и стволовъ. Все слылось, все сметалосъ, и надъ всѣмъ этимъ, надъ хаосомъ воды, вѣтра, вѣска, свиста, шума всыхивали только вѣсны огнистыя очи грозы, полныя непримиримой вражды, полныя гнѣва, полныя страсти...

Встаю солнце и залило лучами погибшій лѣсъ. Далеко ушли разорванныя, облетченныя тучи. Упоенная влагой земля вздохами отбѣчала на тепло лучей. Закурлились испаренія и тамъ,

подъ обрушившимися великанами, между расблѣными родимыхъ камней звонко вѣли ручьи: „сегодня разрушеніе, завтра обновленіе. Сегодня ужасъ и смерть, но завтра сколько свѣтлыхъ восходовъ, завтра жизнь!“.

Т. Бенханова.

Папирусъ Сетуса 1-го.

I.

Римъ готовился торжественно принять возвращающагоси изъ поядки по Греции Нерона.

Народъ, лишенный во время его отсутствія цирковыхъ зрѣлищъ, ждалъ своего кумира, увѣренный, что будетъ вознагражденъ съ лихвою.

Нелзя сказать, чтобы Неронъ возвращался изъ Греции въ хорошемъ расположеніи духа. Хитроумные сыны Эллады встрѣчили паретнаго физгара красочно, но часто одна саркастическая улыбка, пойманный насмѣшливый взглядъ дѣтѣ дѣйствительно музыкальнаго народа, уши котораго терзало фальшивое пѣіе цезаря, лишали надого Нерона его благодушнаго въ это время настроенія и даже ашеита. Тогда онъ придумывалъ новыя сумасбродныя затѣи, старался въ нихъ потонуть зарождающееся чувство недоувѣрія къ себѣ и своему таланту.

Еще недавно онъ былъ торжественно обѣщанъ съ предварительно кастрированнымъ и перенесшимъ мучительную операцію греческимъ юношей, который имѣлъ несчастье походить на умершую Поппею.

Услужливые зрелцы убрали розами и миртами брачное ложе, торжественно совершили обрядъ вѣнчанія, приносили даже поздравленія новой квази—сулругѣ цезаря, а въ душѣ глубоко презирали царетвеннаго маіака, жившаго больше фантазією своего большого ума, чѣмъ дѣйствительностью.

Сумрачный вѣзжалъ онъ, какъ триумфаторъ, въ Вѣчный городъ. Десятки колесницъ, на которыхъ разложены были вѣнчи городовъ Греции, полученные имъ, какъ побѣдителямъ, вѣдодали за нимъ.

Но какъ ни любилъ чернъ Нерона, какъ ни пали низко современныя ему граждане, все же у нихъ еще сохранилось изъ поколѣнія въ поколѣіе передаемое преданіе о триумфахъ, которые Римъ давалъ побѣдителямъ на полѣ битвы, а въ триумфѣ Нерона они видѣли триумфъ комедіанта, унижающаго имъ славное прошлое цезарей.

Неронъ прекрасно понималъ вѣшатлбные, которое онъ производилъ своимъ вѣздомъ и, зная хорошо буйную римскую толпу, ожидалъ или презрительныхъ возгласовъ, или далеко не лестныхъ злитоветъ, на которые не скупилась римляне. Въ такомъ отчасти удрученномъ и приподнятомъ настроеніи, онъ вѣзжалъ въ Римъ.

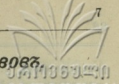
Коротекъ свернулъ съ дороги и постепенно, длинную ленту началъ витязиться въ садъ, окружающій золотой домъ—мѣстопребываніе Нерона, имъ же воздвигнутое.

Захлѣхалъ отъ пережитаго вошепы, подыался онъ по широкимъ, отлогимъ лѣстницамъ дворца и сопровождаемый только Петроніемъ и Тигеллиномъ скрылся въ внутренніи покояхъ.

— Вотъ уже второй день, какъ Актея ждетъ тебя, божественный цезарь,—тихо заговорилъ Тигеллинъ, думая воспоминаніемъ о когда то любимой Нерономъ и искренно любившей въ свою очередь его женщіи измѣнить угроное настроеніе цезаря.

— Актея начнаетъ унывать, ея скорбное выраженіе лица начинаетъ раздражать меня и нагоняетъ смертельную скуку. Я не приму ея сегодня,—недовольно выливая свою большую верхнюю губу, отбѣтилъ Неронъ. Новѣе, новѣе что вѣдудъ придумай Тигеллинъ!

— Тогда, может быть, божественный не откажется принять жрецов Египта и Нубии. Они привезли с собою чудный папирус, найденный в гробнице Сетица I-го, на котором художественно изображены все сцены ада по вѣрованію египтян. Если рисунки папируса перенести на арену цирка и при просвѣщенном содѣйствіи Петронія показать народу, зрѣлище будетъ достойно тебя, Цезарь!

Петроній, услышавъ предложеніе Тигеллина, недолго поморщился и еще внимательнѣе сталъ разсматривать небольшую зрѣскую вазочку, недавно купленную Нерономъ за баснословную цѣну, которую держалъ въ рукахъ.

— Или, можетъ быть, Петроній, занятый изученіемъ новой секты Назаріанъ, не имѣетъ времени, тогда это дѣло можетъ осуществить актеръ Алитирусъ, продолжалъ Тигеллинъ, очень довольный, что представлялся удобной случай сдѣлать неприятность единственному своему конкуренту у цезаря, имѣвшему на него громадное вліяніе, и заставить гуманнаго не по вѣку, ищущаго и образованнаго человѣка повозиться съ осужденными на смерть и сыграть активную роль въ дѣлѣ истребленія несчастныхъ, что было вовсе не во вкусъ глубоко-человѣчянаго энциклопедиста Петронія. Едва удовольна улыбка прерѣзала, пробѣжавшая, какъ тѣнь, по лицу Петронія, также исчезла, какъ и являлась.

— Нѣтъ, отчего же, для цезаря я готовъ пожертвовать всѣмъ моимъ временемъ, ты напрасно такъ быстро вывелъ свое заключеніе, префектъ Рима, хотя это и не удивительно: рѣдко, чтобы созданы были хорошими сердцеводами. Я готовъ все принести въ жертву, чтобы облычко грусти слезаю съ чела цезаря, по гдѣ же взять осужденныхъ? Последнія игры въ циркѣ и казни поджигателей Рима въ садахъ цезаря обошлись очень дорого. Даже мелкіе площадные воронки и тѣ удостоились высокой чести вѣсть въ смоленныхъ туникахъ на десять локтей выше прерѣзній топы и даже выше своего божественнаго, освѣщала своими грубыми грязнымъ тѣломъ его царственный вѣздъ на колесницѣ среди народа по аллеямъ садовъ.

— Не безолокой, Петроній! Создать предусмотрительнѣе парадную. Еще вчера прибыли изъ Сиріи три галеры съ осужденными. Между ними масса такихъ, которые своими тѣлами выноятъ годны замѣнять даже мрамора Фидія. Да и пора, наконецъ, кончить съ глухими, вадорными толками объ участіи божественнаго отпа народа, цезаря, въ пожарѣ Рима. Толпа—легко воспламеняющийся матеріалъ, а слухи, распускаемые былыми владѣльцами грязныхъ лачугъ, земля которыхъ отошла подъ этотъ дворецъ, могутъ быть факеломъ и тогда разгорится такое пламя, которое не потушить ни гвардія, ни наемная германская стража цезаря.

Неронъ поморщился при этихъ словахъ. Какъ ни былъ онъ увѣренъ въ своемъ могуществѣ, но въ глубинѣ души онъ понималъ, что зашелъ съ пожаромъ очень далеко, что пожалуй и обаяние власти не спасетъ отъ дикой расправы возбужденной толпы.

— Надо разомъ оборвать эти нелѣпныя бредни болтуновъ, вставилъ Неронъ, нервно теребя тогу, съ которой упало нѣсколько драгоценныхъ камней. Сегодня же захвати негоднѣе.

Итакъ я жду, что соединенныя усилія твои, Тигеллинъ, Петронія и Алитируса создадутъ что нибудь грандіозное, достойное творцовъ. А народъ, увлеченный зрѣлищемъ, позабудетъ вздорные слухи и попрежнему останется послушнымъ и обожающимъ своего цезаря. Я страшно усталъ, пошла ко мнѣ Актонъ; можетъ ея тихое ибнѣ навѣять мнѣ сонъ,—закончилъ Неронъ, измѣчивый и неустойчивый какъ вѣтеръ въ своихъ желаніяхъ, рѣшѣвшихъ и симпатіяхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ пасхальныхъ мотивовъ.

Посреди моей холостяцкой «меблировки» стоялъ накрытый чистой скатертью круглый столъ, вокругъ котораго разѣстались мои гости, товарищи-студенты. Бездомные, какъ и я, они собрались у меня послѣ заутрени Воскресенія Христова разговѣяться.

Ихъ было пять человѣкъ и всѣ они веселые, молодые, распашанъ чай послѣ маленькой скудной закуски, разсказывали по очереди эпизоды изъ своей жизни. Среди гостей находился одинъ мой закладчикій другъ-приятель, студентъ четвертаго курса, по фамиліи Котевскій, разсказъ котораго мнѣ лучше другихъ вѣрзалъ въ память и я его передамъ почти слово въ слово, какъ слышалъ.

То, что я хочу сейчасъ вамъ разсказать, началъ онъ, навѣвъ себѣ чай, случилось со мною ровно 4 года тому назадъ. Мнѣ было тогда 18 лѣтъ. Былъ я на первомъ курсѣ и на пасхальные праздники сѣлъ въ городъ Н къ родителямъ. Поминутно пошумывая спиной воротникъ своего студенческаго новенькаго мундира, я гордо разсказывалъ по улицамъ роднаго города и все будущее рисовалъ мнѣ въ розовомъ свѣтѣ; казалось мнѣ, что весь трудный путь жизни пройденъ, что восьмилѣтнее иго свергнуто и я свободенъ... Я свободен! Загорѣлся чуть не сто разъ въ день, и сердце мое пріятно заморыло. Сво-бо-денъ—шпатель я черезъ минуту, и каждая буква дорогаго слова находила откликъ во всемъ моемъ существѣ. Я гражданинъ, гордо поднимъ голову и люблю съ собой въ зеркалѣ, говорилъ я, я могу имѣть свое мнѣніе, доказывать, защищать свои права, думать я, шпая чуть пробіаюющіеся усники.

Не тутъ-то было... Вскорѣ жизни, какъ-бы насмѣхался надъ юношескими мечтами, на первыхъ-же шагахъ нанесла мнѣ ударъ и грубо, рѣзко, однимъ взмахомъ разрушила всѣ мои иллюзіи.

Въ томъ-же городѣ, въ которомъ жили мои родители, проживалъ и нашъ дальній родственникъ Дарюмдовбековъ—человѣкъ въ свое время хорошо пожившій, а затѣмъ опустившійся. Жена его, женщина пустая и глупая, проводила все свое время за чтеніемъ пошлыхъ романовъ и, читая ихъ, вспоминала свою бурно проведенную жизнь и героизмъ своихъ родителей, которыхъ на ся вѣку было не мало и, недолгою наступившей старостью, жила въ грѣзахъ воспоминаній.

У Дарюмдовбековыхъ было трое сыновей, два грамотныхъ шлопаевъ. Старшему только Сашенькѣ, какъ обыкновенно звали его мать, кое какъ удалось добраться до 2-го класса гимназіи, но тутъ онъ выказалъ такія способности и наклонности, что дирекція гимназіи, не смотря на сильную протекцію бывшей влищы-мамаши, не рѣшалась дальше у себя держать милого Сашеньку.

Таланты его къ двадцати годамъ развернулись во всю. Наудренный, завитой и напомаженный, онъ по совету матушки нѣсколько разъ совершалъ экскурсіи въ Москву, какъ онъ самъ выражался, «закладывать сѣти», т. е. выгодно жениться, но всегда возвращался ни съ чѣмъ, привозя съ собой только лишь дорогое бѣлье съ мѣтками своихъ богатыхъ покровителей, купеческой натурѣ которыхъ лѣзла изъ рта тушуданнаго шута... Причислялъ съ собой иногда и дорогіе бретки, маленькіе брилліанты, подаренныя какой либо сластолюбивой старушкой купчихой. Все бы это еще ничего, пожалуй, дѣлай такъ съ почетливыми старушками, что тебѣ угодно, но Сашенька не довольствовался московскими побѣдами и, скучая въ провинціи, вздумалъ попробовать свои таланты на другой почвѣ. Послѣ отпѣвшихъ и засохшихъ цвѣтовъ Сашенькѣ захотѣлось бутючничковъ, онъ сталъ ухаживать за подросткомъ ученицей, двѣнадцатой лѣтъ 15-ти. Но съ мѣста же Сашенька потерялъ илюное фѣиско. Его удалили изъ дому, и обиженный этимъ жамкій ловаеясъ сталъ распространять про чистую и честную семью

грязные слухи, а провинциальные сплетники, раздувая их, переладали въ увеличенномъ видѣ.

Мой братъ, старше меня б. годами, служилъ въ одномъ изъ городскихъ учрежденій. Было знакомъ съ семьей ученицы, уважавшей и дорожившей ся репутацией, онъ поклялся во что-бы то ни стало наказатъ за сплетни „аафонса“, какъ онъ называлъ Сашеньку, но послѣдній при встрѣчѣ съ братомъ форменно удиралъ.

Разъ какъ то мы съ братомъ вышли подь вечеръ съ Св. Пасхи пройтись по городу и видимъ—навстрѣчу къ намъ направляется Сашенька „какъ денди лондонской одѣтъ“... Мы къ нему за объясненіемъ.

Онъ, по обыкновенію, повернулся и побѣжалъ отъ насъ, но потомъ, видимо ободлившись на свою трусость, приостановился, произвелъ въ насъ почти въ упоръ нѣсколько выстрѣловъ, и самъ же, испугавшись ихъ, бросилъ револьверъ и бѣжалъ „быстрѣе, чѣмъ задръ отъ орла“.

Случилось такъ, что братъ захватилъ изъ дому револьверъ и теперь, желая напугатъ и такъ до смерти напугавшагося Сашеньку, выстрѣлилъ въ воздухъ.

Поднялся на улицѣ суматоха, обчужился народъ, полиція, изъ коней конвои мы съ братомъ отбѣжали въ участкѣ, а Сашенька остался на волѣ, окруженный многочисленными дамами—покровительницами, которыя наперерывъ ухаживали за нимъ, приводя его въ чувство „домашними средствами“.

Когда насъ заперли въ темный чуланъ и оставили однихъ, я понялъ, что жизнь настоящая ничего общаго съ юными иллюзіями не имѣетъ. Вотъ гдѣ намъ пришлось встрѣчатъ Воскресеніе Христово четыре года тому назадъ... Всѣ мои надежды, всѣ мои мечты на лучшее будущее были вырваны чѣй-то безжалостной грубой рукой съ корнемъ изъ души, и тупая ноющая боль ясно говорила, что еще не скоро заживетъ эта рана. Беззвучно, задыхаясь, я злорадно смѣялся всѣмъ прежнимъ мечтамъ. Подобно дѣвчущикъ, потерявшей дѣвственную чистоту, я потерялъ все, и одна только злоба, безпредѣльная злоба на себя и на всѣхъ душила меня. Да, господа, я, быть можетъ, проживу еще много лѣтъ, но никогда не забуду этого перваго удара жизни.

Но также пасхальная ночь, проведенная въ темномъ чуланѣ, дала мнѣ и нѣчто другое, чего я также не забуду никогда. Я испыталъ нѣчто такое, что если и не вполне излѣчило мою первую тяжкую рану, то во всякомъ случаѣ возродило меня для новой дѣятельности, и утро Воскресенія Христова застало меня обновленнымъ душой и готовымъ слѣдовать великому учению Спасителя яри. Если вчера я былъ еще мальчикомъ, мечтающимъ о своихъ какіхъ то правахъ, то сегодня я вполне усвоилъ эти права и рѣшилъ во чтобы то ни стало добиваться ихъ.

Непоздно на умъ пришелъ Тотъ, Кто свѣтую кровью начерталъ на скрижаляхъ вѣчности высокое званіе человѣка, челоуѣческой права и Божескій законъ. Я вспоминалъ Его жизни, его слова. Я думалъ: „Онъ нашелъ возможнымъ проститъ блуднику, ибо въ любви и въ томъ, что одна много возлюбилъ, Онъ нашелъ источникъ всепрощенія“... Мысль моя скакнула и я вспоминалъ „Сашеньку... Какое прощеніе Онъ нашелъ бы для этого „порожденія ехидны“? По самоу сути своей Христосъ не могъ не проститъ и я искалъ основаніе этому прощенію. Долго я думалъ, и мысль сперва неясная, потомъ все ярче и ярче, блеснула наконецъ ослѣпительной молніей въ головѣ у меня,—мы сами виноваты. Мы держимъ женщину въ искусственной атмосферѣ пощлости и лицемерія, мы третируемъ и воспритываемъ ее только для своихъ эгоистическихъ вожделеній и что удивительнаго, что старуки потиху создаютъ Сашенькѣ. Мы сами виноваты... И у меня прощеніе для прошлаго Сашеньки уже было готово. Сашенька—богачъ нашей пошлой, загнившей жизни и въ ея возникновеніи виноваты нами же созданныя антисанитарныя условія. Какъ только я по-

знать всю сладость всепрощенія, точно какая то сила приподняла меня, я всталъ и съ раскрытыми объятими напустился къ брату. Онъ до того лежалъ отвернувшись къ стѣнѣ и молчалъ, а теперь, повинуясь тоже какой-то тайной силѣ, поднялся и пошелъ ко мнѣ на встрѣчу...

И по глазамъ его я видѣлъ, что его осѣнила та же мысль, что и меня. Мы крѣпко обнялись и подцѣловались, сказавъ другъ другу „Христосъ Воскресетъ“. Мы стали въ эту ночь братьями не въслѣдствіе родства крови, какъ это было до сихъ поръ, а въслѣдствіе великой силы всепрощенія и близости нашихъ идеаловъ, сокровенныхъ мыслей. Словомъ, я обрѣлъ истиннаго брата по духу. Мы въ эту ночь поклялись другъ другу всю жизнь руку объ руку итти для пріобрѣтенія необходимыхъ знаній, изученія быта меньшихъ братьевъ, съ ихъ нуждами и поправами, бороться за уничтоженіе вѣковаго рабства женщины. Мы говорили тихо, подвинувшись влудную другъ къ другу, боясь, что насъ услышатъ, совершенно позабывъ о нашемъ настоящемъ положеніи, мечтали о другой душней жизни.

Мы мечтали, а звонъ колоколовъ радостно гудѣлъ и проникая въ нашъ темный чуланъ, возвѣщалъ Воскресеніе Христово, находя откликъ въ нашихъ сердцахъ.

Мы съ братомъ еще разъ расцѣловались, еще разъ поздравили другъ друга съ праздникомъ и еще разъ поклялись работать на благо бляжюгю.

Черезъ нѣкоторое время пыльный городской отворилъ намъ дверь и мы рѣшительными шагами вышли на улицу, вдыхая съ собой полной грудью чистый весенній воздухъ, свѣтло глядя на все кругомъ и не было для насъ Сашеньки, ибо мы поняли и простали и въ этомъ прощеніи мы поняли и оцѣнили все величіе и святость радостнаго восклицанія: „Христосъ Воскресетъ!“

Можно быть религіознымъ и нерелигіознымъ, можно быть вѣрующимъ и невѣрующимъ, но такіе моменты, господа, никогда не забываются!! зачищай свой расказъ Котевскій.

И. Дандуровъ.

Штришки съ хатуры.

I.

Бываютъ же на свѣтѣ такія фizioноміи!.. Ну самая что ни на есть обыкновенная, плоская, даже однотонной окраски... Ни штришка, ни характерной черты, точно вотъ выточены по известному шаблону. Надо думать, природа не долго размышляла надъ созданіемъ подобныхъ шедевровъ, а дѣйствію больше по ренсюту: тягилъ да ляпъ и вышелъ корабль, числомъ побольше, а качествомъ... ну на счетъ качества не будте ужъ особенно требовательны.

Глядящ на такую фizioномію и все вспоминаешь, что гдѣ то ее видѣлъ. Въ ужъ начинаетъ мелкать то въиска въ магазина готового платья, то цирковая афиша, то плакатъ дешевой распродажи... Вездѣ она, эта фizioномія. Ужъ такъ хорошо видно изощреніе наши доморощенные художники рисовать ее. Больно часто попадаетъ.

Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что обыкновенной и всегдашней спутницей этакихъ фizioномій бываетъ непременно такого же сорта душонка, и если фizioномію отгнѣять иногда рѣзко окрашенные усики, то душонка нерѣдко тоже имѣетъ нѣкоторыя извѣдныя, если и не особенно характерныя, то весьма и очень запутанныя.

Никто бы конечно ничего противъ этихъ плоскихъ и обыденныхъ фizioномій не имѣлъ, да бѣда въ томъ, что саміхъ то ихъ обладателей до всего и до всѣхъ есть дѣло, а потому часто случается имъ попадатъ въ совершенно не свой-

ственную среду и, сами того не замечая, они становятся смѣшными, а подчас и жалкими.

Какъ всякая посредственность, они мелочно самолюбивы и тщеславны. Въ толпѣ они всегда селятся, изъ кожи лѣзутъ, чтобы протиснуться впередъ. Силеюно не хватаетъ, — начинаютъ неистово кричать, задвѣвая всѣхъ и каждого. Не поможетъ это, — сбиваются за перваго попавшагося, авось на чужомъ хвостѣ, какъ ракъ на льсяемъ, выберутся впередъ. И вся ихъ жизнь проходитъ въ выдумыванннхъ фортелей, чтобы такъ или иначе обратить на себя вниманіе.

Присосется такой господинъ, положимъ, къ литературѣ, и самъ больше всѣхъ другихъ тому обстоятельству удивляется: «Ай да я! и какъ я, чертъ меня побори, въ этукую штуку угорядилъ!... Ну да на то и я!» не позабудетъ онъ себя по достоинству похвалять и оцѣнить.

А подите—ка поговорите съ этими господами. Какой это принципиальный народъ.

Выгонятъ его со службы, онъ вамъ сейчасъ же: «знаете, въ принципѣ съ начальствомъ не сошлся»...

Отгадате-ли у васъ онъ всѣми правдами и неправдами что либо, онъ же васъ и утѣшаетъ: «знаете, я собственно изъ за принципа, а не то что»...

Вступитъ этойки господинъ въ дѣло какое нибудь, вынарапаетъ все, что ему нужно, затѣмъ: «къ сожалѣнію мы съ вами въ принципѣ не сходимся, а потому»... и расклинается.

Хотя сами посудите, вѣдь, вступая въ дѣло, онъ не могъ предварительно не осведомиться, какія принципы лежать въ основѣ его.

Хорошее слово «принципъ», да больно уже его въ наше время затаскали и часто имъ прикрываютъ нѣчто такое, чего отнюдь не слѣдуетъ скрывать.

Да и не всегда бываетъ жонглировать принципами. Мнѣ кажется, напр., что когда съ одной стороны голодный желудокъ, а съ другой—полный карманъ денегъ, когда отсюда смотреть на васъ помѣщикъ, а оттуда крестьянскій вопросъ, изъ одной шели выглядываетъ автономія, а въ другой видите составленную изъ лоскутовъ территорию, и въ такомъ затруднительномъ положеннн вы въ изнеможенин опускаетесь сразу на два стула, о, тогда взывать къ принципамъ, согласитесь сами, немножко странно.

При отсутствіи опредѣленнаго идеала и твердыхъ искреннихъ убѣжденій даже самая искусная жонглировка принципами не спасаетъ отъ неминуемой фальши. Не поможетъ тутъ и «свѣжій воздухъ», ибо онъ будетъ отравленъ вашими же собственными дыханіемъ.

Истари уже дозано, что одновременно накормить вольковъ и сохранить овецъ весьма и весьма затруднительно.

II.

(Посвящается г. Теречанину).

Лавры г. Теречанина не дадутъ мнѣ покоя! Но только не какъ фельетониста. Богъ съ нимъ совсѣмъ. Въ этомъ я ему завидую не стану. Да и другимъ не советую ни завидовать, ни тѣмъ болѣе подражать. Пусть ужъ лучше г. Теречанинъ будетъ въ данномъ случаѣ «единственнымъ въ своемъ родѣ». Такъ и для прессы и для читателя будетъ лучше.

Но пасхальная объявленія... Ахъ! они мнѣ прямо сна не даютъ. Вотъ чему я искренно завидую. Ужъ очень мнѣ понравились. Хотѣлось и самому что либо подобное выдумать, да ничего не выходитъ. Ужъ сколько ни старался больше одного объявленія не могъ выжать. Съ позволенія (хотя я его не получаю) г. Теречанина, я помѣщаю здѣсь это объявленіе:

ГАЗЕТНЫХЪ ДѢЛЪ МАСТЕРЪ Опытный въ своемъ дѣлѣ, можетъ писать на всѣхъ принципахъ одинаково хорошо чернымъ по бѣлому и бѣлымъ по черному. Специалистъ по составленію рекламъ и хвалѣбныхъ одъ. Ругается нескладно, но зато

здорово. Въ пищѣ и одеждѣ нетребователенъ. Хорошо знакомъ съ театральными и буметными дѣлами, ибо былъ въ дуракъ. Одинаково годенъ какъ для либераловъ, такъ и для консерваторовъ. При нуждѣ можетъ быть націоналистомъ, а то социаль-демократомъ. Словомъ—чего хочешь, того просишь. Шѣны въ виду ѣкоторой поддержанности, умѣренна. Спросить въ редакціи «Тифлисск. Лист.» г. Теречанина.

III.

Если вообще въ многоголосіи нѣтъ спасенія, то въ полемикѣ тѣмъ паче.

Спорить можно обо всемъ, но споръ допустимъ въ печати только тогда, когда онъ ведется въ интересахъ читателя, въ видахъ болѣе яркаго освѣщенія того или иного вопроса, имѣющаго общественный характеръ.

Личные счеты никому не интересны и ни для кого не нужны.

Имъ не должно быть мѣста на страницахъ печатныхъ изданій.

Но когда полемика является единственнымъ средствомъ посягнуть на подвобашій шестокъ слишкомъ зазнаващаго сверчка, когда въ интересахъ справедливости и правды необходимо сорвать покрывало, подъ которымъ припрятано явное лицемеріе и наглая ложь, въ такихъ случаяхъ полемика не только позволительна, но и желательна.

Во всякомъ случаѣ полемнику мы считаемъ крайнимъ средствомъ и общаемся прибѣгать къ ней только тогда, когда насъ къ тому безусловно вынуждаютъ и когда мы будемъ увѣрены, что полемика въ каждомъ данномъ случаѣ интересна читателю.

Безъ псевдонима.

Шумимъ, братецъ, шумимъ!

Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ.

Сцена представляетъ собою обыкновенный залъ думскихъ засѣданій съ хорами.

Дѣйствующія лица:

Предсѣдатель	.....	) Сидятъ въ залѣ на мѣстахъ избранныхъ членовъ общества.
1-й отецъ города	.....	
2-ой отецъ	.....	
3-й отецъ	.....	) Сидятъ и стоятъ на хорахъ.
Жоржъ Гласный	.....	
Мимель Бегаевскій	.....	
Сержъ Несогаевскій	.....	
Жакъ Полукасный	.....	
Коко Согасный	.....	
Шьеръ Многогласный	.....	
Нахалаевъ	.....	) Сидятъ и стоятъ на хорахъ.
Дубиенъ	.....	
Аллабаревъ	.....	
Сабургаевъ	.....	
Навтаужевъ	.....	
Вардиль-убанецъ	.....	) Сидятъ и стоятъ на хорахъ.

ДѢЙСТВІЕ I-ое.

Предсѣдатель (обращаясь къ собранію). Сердечно радъ, господа, видѣть васъ здѣсь въ полномъ составѣ. Это удовольствіе выпадаетъ на мою долю такъ рѣдко, что я сію минуту попрошу секретаря настоящей случай занести на особня крикиали и сохранить ихъ въ назиданіе потомству. Долженъ вамъ сказать, господа, что вчера, послѣ лѣтнихъ канікулъ, возвратился изъ Лондона Жоржъ Гласный, онъ объявляетъ быть сегодня у насъ на засѣданнн и подѣлится съ нами

своими впечатлениями, главным образом, касающимися благоустройства Лондона...

При последних словах председателя за сценой кто-то поспешно кидает из-за Гейши: „Пекин, Пекин городок, — славный, славный уголок!“ Затем разговорится первый и в зал входит Жорж Гласный, дѣлает общий поклон и садится на свободное мѣсто].

Председатель. А вот и онъ самъ. Господа! Объявляю заседание открытымъ и прошу г. Жоржа Гласнаго подѣлиться съ нами впечатлениями...

Всѣ избранные, обращаясь къ Жоржу Гласному:

Мы присоединяемся къ просьбѣ председателя. Просимъ!

Жоржъ Гласный. Господа! Поставивъ свою задачу и всегда на встрѣчу интересамъ родного города, я и теперь, когда мнѣ остается прослужить въ занимаемой почетной должности всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, остаюсь вѣренъ себѣ; охотно уступаю вашимъ просьбамъ и готовъ рассказать, что мнѣ довелось видѣть въ Лондонѣ. Назвавъ этотъ славный городъ, я не въ силахъ умолчать о томъ, что составляетъ его особенную достопримѣчательность, которая и до сихъ поръ мѣрится мнѣ даже во снѣ. Это достопримѣчательность, господа, — лондонскія городскія мясные лавки. Ахъ! Вы себѣ представить не можете, какъ они хороши!

Пьеръ Многогласный. Создать! Создать! и у насъ городскія мясные лавки!

Всѣ другіе избранные (вмѣстѣ). Да полади! Дайте ему кончить! Дайте договорить!

Жоржъ Гласный (продолжаетъ). Да, господа! Славу Лондона прежде всего составляютъ городскія мясныя лавки! Это что-то необыкновенное! Особенно! Представьте себѣ чудной архитектуры дворецъ. Дворецъ, господа, слышите? — дворецъ!

Пьеръ Многогласный. Нѣтъ, этакъ не возможно! Надо непременно и у насъ создать дворецъ и въ немъ мясную лавку...

[Председатель звонитъ и проситъ Жоржа Гласнаго продолжать].

Жоржъ Гласный. Не одинъ дворецъ, господа, а нѣсколько дворцовъ, но это не такъ важно. Важнѣе то, что встрѣчаешь въ этихъ дворцахъ. Прежде всего бросается вамъ въ глаза выхоленный такой, ушпанный, представительный поваръ, одѣтый въ блестящій костюмъ. Затемъ, вы видите жирня, идеально чисто приготовленную мясную тушу, разделенную по сортамъ и убитая гирляндами цвѣтовъ... Вотъ лежить въ живыхъ цвѣтахъ, какъ выточенный изъ бѣлаго мрамора, поросенокъ. Вамъ понравилась ножка этого каначки и вы просите ее отрѣзать. Поваръ граціозно беретъ ее двумя пальчиками, украшенными чистымими розовыми нитями, и чистъ! блестящими ножничкомъ по ножкѣ. Затемъ, бережно завернувъ ее въ пакетики, подаетъ вамъ съ поклономъ и получаетъ взаменъ, за фунтъ такой прелести, всего лишь 40 коп. Давше...

Пьеръ Многогласный. Не надо даьше! Не надо, довольно, у меня и такъ ужъ слони потекли. Прошу, господа, скорѣй высказаться за открытіе у насъ мясныхъ лавокъ съ такими вкусными поросятами!

Жоржъ Гласный. Хорошо! Я дальше продолжать не буду, но позволяю себѣ предложить вамъ, господа, рѣшить сейчасъ-же принципиально вопросъ, нужно-ли и намъ последовать въ этомъ отношеніи примѣру Лондона.

1-й отецъ. Конечно, рекомендуемое предпріятіе будетъ полезно бѣднымъ обывателямъ нашего города, но оно потребуетъ предварительна большаго матеріальныхъ издержекъ,

а потому намъ слѣдуетъ хорошенько расчитать, всѣ расходы, которые будутъ вызваны постройкой дворцовъ, мясныхъ крахмальныхъ поваровъ съ розовыми нитями, покладая, мы поспѣемъ еще разъ въ какой-либо просакъ, въ какомъ очутились, выкупа у бѣльицъя конку.

Пьеръ Многогласный. Последнее къ дѣлу не относится! Предпріятіе, вы говорите, будетъ полезно нашимъ бѣднымъ обывателямъ? Слѣдовательно, его надо осуществить безъ всякихъ „но“... Кто-же старое помянуть — тому глазъ вонъ! Я, господа, стою за вкусныхъ поросятъ въ живыхъ цвѣтахъ.

Сергѣ Несогласный. Господа! Оборудование рекомендуемаго дѣла обойдется городу на первыхъ порахъ тысячь въ 200, причѣмъ затормозитъ рѣшеніе вопроса объ освѣщеніи Головинскаго проспекта электричествомъ, а это, мнѣ кажется, очень важно.

2-ой отецъ. Электричество теперь стало доступно всѣмъ, даже крошечный Батумъ освѣщенъ имъ, а потому введемъ у насъ электричества въ миного не удивимъ, а вотъ мясная лавки — совсѣмъ другое дѣло: онѣ составляютъ украшеніе первоклассныхъ европейскихъ городовъ, а потому я соглашусь съ мнѣніемъ Пьера Многогласнаго и стою за скорѣйшее открытіе у насъ мясныхъ лавокъ.

Коко Согласный. Освѣщать себѣ дорогу электричествомъ каждый обыватель можетъ самъ, такъ какъ ручной электрической фонарикъ стоитъ всего 2 рубля и служитъ цѣлый годъ. Я и г. Жоржъ Гласный, напримѣръ, пользуемся по ночамъ такими фонариками уже нѣсколько лѣтъ и вотъ, Богъ миловалъ, ни я, ни онъ пока не имѣемъ раздробленія членовъ отъ хожденія по вечерамъ по нашимъ мостовымъ. Позволю себѣ еще замѣтить, что хорошее городское освѣщеніе поощряетъ пьянство. Теперь пьяница, боясь себѣ сломать въ темнотѣ шею, по ночамъ сидитъ дома, а тогда будетъ до полуночи торчать въ питейномъ заведеніи. Я стою за открытіе у насъ мясныхъ лавокъ.

Жакъ Полугласный. Городскія мясныя лавки поумѣрятъ аппетиты нашихъ мясниковъ, да, кромѣ того, принесутъ городу хорошии проенты на затраченный капиталъ. Дѣло хорошее! Открываемъ!

3-ій отецъ. Съ открытіемъ своихъ мясныхъ лавокъ нашъ городъ примкнетъ къ лучшимъ европейскимъ городамъ, что сплететъ намъ, его избранныкамъ, неуважимый внѣсокъ. Я, господа, поборникъ всякаго прогресса, а потому всецѣло стою за открытіе у насъ мясныхъ лавокъ.

Мишель Безгласный. Му... Му... Можно открыть, да...

Председатель. Громадное большинство высказалось за открытіе городскихъ мясныхъ лавокъ. Я, съ своей стороны, присоединяюсь къ нему и предлагаю ассигновать необходимую сумму на оборудованіе этого важнаго предпріятія. Согласны, господа?

Избранные вмѣстѣ. Да, да, согласны! Открыть! Скорѣй открыть мясныя лавки! Bravo, Жоржъ Гласный! Bravo!

Председатель. За познимъ часомъ, господа, объявляю заседание закрытымъ.

[Въ залѣ и на хорахъ начинается движеніе].

Нахаловскіе. И за деньги у насъ ноги не найдешь! Эхъ, ну и жистъ! Повеюль зайдешь да выпьешь.

Дидуиенъ. Дѣлать нечего, надо плавать учиться, чтобы на улицѣ въ грязи не утонуть. Ну, и господа! И деньги давно получили съ насъ, а учиться все не мостятъ!

Авлябарскіе. Пропада нашъ школа. Такая бархатная публика нашей нужды никогда не поиметь!

Навтлуужскіе (нагвѣствъ). Пара гнѣдыхъ, запряженихъ съ зарею... Гдѣ-жъ они, гдѣ-жъ? Въ какой повои боги-ни ищутъ теперь идеаловъ своихъ? Да, объѣхала насъ конка.

Вардась-убанецъ и Сабурталиецъ (обявисьхъ плотъ). Фанаръ изту на улица, ночью ходимъ, какъ курьца! Наши дума, наши дума, махлась, махлась, наши дума!

Занавѣсть.

[Окончаніе слѣдуетъ].

Александръ Самурскій.

Система городскихъ выборовъ.

Городское дѣло—дѣло не одной какой либо группы обывателей, оно—дѣло общее всѣхъ жителей города. Каждый дефектъ въ организациі того или другого хозяйства города можетъ быть для однихъ убыточенъ, а для другихъ, напротивъ, выгоденъ...

Вотъ почему вопросъ о составѣ думы есть вопросъ первостепенной важности нашего городского хозяйства.

Давно уже извѣстно всѣмъ, что среди грузинскихъ и русскихъ обывателей Тифлиса царитъ большое недовольство вслѣдствіе нахождения въ городской думѣ ихъ представителей въ самомъ ничтожномъ числѣ.

Объясненіе такого печального явленія, по мнѣнію всѣхъ разсудительныхъ людей, заключается въ дѣйствующемъ законѣ объ избраніи гласныхъ въ одномъ, общемъ для всѣхъ народностей, избирательномъ собраніи.

Тридцатилѣтній опытъ показалъ, что при такомъ порядкѣ избранія гласныхъ постоянно брада перевѣсь многочисленная партія одной только армянской народности.

Имѣя въ виду, что интересы всего нашего городского населенія и его общественнаго самоуправленія требуютъ уменьшенія значенія всякой партіи, основывающей свою силу на національной исключительности, что лишь единеніе и братство всѣхъ тифлисскихъ народностей, этотъ лозунгъ, одушевляющей всю послѣднюю дѣятельность нашей думы, можетъ дать удовлетвореніе совети каждому обывателя, и что такимъ образомъ для нормальнаго теченія городской жизни насущнѣйшею необходимостью является изданіе для Тифлискаго общественнаго управленія особаго, отвѣчающаго жизненнымъ интересамъ нашего разнонаціональнаго городского населенія, сепаратнаго избирательнаго закона, необходимо Тифлисской городской думѣ, не ожидая соизволенія Высочайше начертаннаго особаго совѣщанія для пересмотра городского положенія, возбудить передъ Его Сіятельствомъ Намѣстникомъ Кавказскимъ ходатайство объ установленіи для города Тифлиса слѣдующихъ правилъ:

1) Гласные избираются грузинскою, армянскою, русскою, татарскою народностями, а также евреями и состоящими въ русскомъ подданствѣ итимами и другими иностранцами.

2) Для избирателей, принадлежащихъ каждой изъ вышеупомянутыхъ въ предыдущемъ пунктѣ группъ, составляются слѣдующія избирательныя собранія:

- а) Избирательное собраніе грузинской народности.
- б) Избирательное собраніе армянской народности.
- в) Избирательное собраніе русской народности.
- г) Избирательное собраніе татарской народности.
- д) Избирательное собраніе евреевъ.

е) Избирательное собраніе состоящихъ въ русскомъ подданствѣ итмцевъ и др. иностранцевъ.

3) Изъ числа опредѣленныхъ закономъ для собранія Тифлисской думы восьмидесяти гласныхъ, избирать: 1) грузинская народность двадцать гласныхъ (25%), 2) армянская народность двадцать (25%) гласныхъ, 3) русская народность двадцать (25%) гласныхъ 4) магометанская народность—двадцать (25%) гласныхъ; кромѣ того въ думу должны быть выбраны гласные изъ евреевъ четыре (5%) гласныхъ итмцевъ и др. иностранцевъ—четыре (5%).

Такой порядокъ выборовъ и такое % отношение по национальностямъ необходимо сохранить и при измѣненіи цѣна избирателей.

Настоящее предложеніе, согласно ст. 67 гор. пол., представлено гласнымъ думы Б. С. Эсадзе Тифлисскому городскому головѣ для внесенія на обсужденіе и рѣшеніе Тифлисской городской думы въ ближайшемъ засѣданіи; при этомъ гласный полагаетъ, что гласные думы отнесутся къ данному вопросу съ особеннымъ вниманіемъ и найдутъ возможнымъ и желательнымъ поддержать это предложеніе въ интересахъ всего населенія Тифлиса.

Гласный.

Городскія дѣла.

VI.

Самая серьезная статья городского бюджета—офищный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ. Изъ 1,320,000 рублей исчисленныхъ въ доходъ города на 1907 годъ, офищный сборъ составляетъ 520,000 рублей или 34% изъ нихъ 14% оклада считается недоимокъ прежнихъ годовъ. Ежегодный приростъ оклада офищного сбора выражается въ среднемъ, 5% въ годъ. Городовое положеніе разрешаетъ взимать въ пользу города 10% чистаго дохода или 1% съ офищныя имѣнія.

Городская дума взимаетъ по 7,5% съ чистаго дохода или 3/4% съ офищныя, такимъ образомъ, на 1/4% менѣе минимальнаго сбора, разрешеннаго гор. положеніемъ 1892 г.

За несвоевременный вноскъ офищнаго сбора назначается пеня, по закону не свыше 1/2% въ мѣсяць. Наша дума взимаетъ пеню въ полномъ размѣрѣ. Сроки вноскъ офищнаго сбора устанавливаются городскими думами, отъ дѣла зависитъ и сложене пеня, т. е. штрафныхъ денегъ за просрочку вноскъ сборовъ.

Періодическая переоцѣнка всѣхъ недвижимыхъ имуществъ города производится разъ въ 10 лѣтъ; по желанію думы переоцѣнка можетъ быть произведена и въ другіе сроки; послѣдняя переоцѣнка была произведена въ 1897 году и утверждена думой только въ 1899 году. Частичная переоцѣнка отдѣльныхъ имуществъ производится по мѣрѣ надобности, исполнительныя офищныя комиссіи; въ распоряженіи комиссіи находятся 2 офищника, избираемыхъ думой.

Предполагалось нѣкоторыми гласными избрать 3-го офищника, но мысль эта оставлена, хотя слѣдовало бы и 4-го, чтобы каждая національность города имѣла своего офищника, чтобы офищники составляли коллегію, рѣшая нѣкоторые вопросы большинствомъ голосовъ. Быть можетъ намъ возразятъ, что для правильной офищныя имѣнія нужна лишь честность и національность не причемъ. Да, это вѣрно. Но лучше къ вопросу подходить практически, иначе, вѣдь, можно всѣ обязанности возложить на одну націю, полагая, что другія вовсе не интересуются ни общественными дѣлами, ни чѣмъ.

Мы смотрим иначе и думается, что чѣмъ чаще представители разныхъ национальностей будутъ совместно работать, тѣмъ скорѣе и тѣснѣе сойдутся ихъ интересы, освободившись отъ характерныхъ особенностей...

Такъ разсуждаютъ знатоки общественной жизни—англичане,—какъ видно изъ статута данной ими конституции въ Южной Африкѣ.

Изъ большого процента отношения недоимокъ къ окладу видна ненормальность системы обложения и нашь въ городѣ офинансовый сборомъ. Несомнѣнно, въ этой отрасли городского хозяйства являются дефекты, которые нужно теперь-же выяснитъ и устранить возможно скоро, чтобы для новой думы не оставить эту важную статью дохода въ томъ плачевномъ состояннн, къ которому она идетъ. Тѣмъ болѣе, что новому составу думы сразу придется приступить къ переоцѣнкѣ всѣхъ городскихъ имуществъ [1907 года].

Пени за невзносъ недоимокъ офинансового сбора достигаютъ, въ среднемъ, 26,000 рублей въ годъ. Такой чрезвычайный штрафъ, конечно, очень тяжелъ для бѣдныхъ домовладельцевъ и ничто для богатыхъ; среди недоимчиковъ послѣднихъ не мало.

Въ интересахъ правильного освобождения домовладельцевъ отъ пени, недоимокъ офинансового сбора, неосерданой переоцѣнки имѣнн и пр., слѣдовало-бы предварительные справки требовать отъ городскихъ офинансниковъ, а не отъ базарныхъ смотрителей; которые въ данныхъ вопросахъ болѣе компетентны, и какъ лица, избранна думой, пользуются довѣремъ со стороны просителей. Освобождение базарниковъ отъ этой обязанности выгодно отозвется и на нихъ самихъ, такъ какъ штатъ ихъ небольшой, а работы много.

Для рѣшенн вопроса по существу прошенн о сложеннн недоимокъ по офинансовому сбору имѣется специальная подготовительная коммиссия изъ гласныхъ думы, но въ эту коммиссию прошенн должны входить уже всесторонне освѣщенными, иначе работы ея будутъ также малооживленными, какъ были до сихъ поръ и, вообще, не облегчатъ и ускорятъ, а еще болѣе будутъ тормозить эту кропотливую работу для думы и для обывателя.

Затѣмъ, въ самомъ дѣлопроизводствѣ по вниманнн офинансового сбора въ управѣ установился рутинный характеръ работы: писане отношений полицн по взысканнн сборовъ... Писанн болѣею частью остаются безрезультатными, такъ какъ въ рукахъ полицн сосредоточена уйма дѣлъ. Исполненн по вниманнн недоимокъ законъ возлагаетъ на полицню, только на полицню и болѣе ни на кого. Законъ даже не даетъ права полицн входить въ положенн недонимачнн... Недонимка должна быть взыскана, выколочена или имѣние должно быть немедленно продано... безъ сожалѣнн, по опредѣленн губернскаго правленн! Сколько разъ намъ приходилось наблюдать, какъ послѣднее добро несчастныхъ бѣдняковъ продавалось съ публичныхъ торговъ, даже котлы и другая посуда пролавалась за безцѣнокъ.

Разоритъ обывателя легко... но это право слишкомъ сильное. И слѣдовало бы налагать такое взысканн не иначе, какъ по суду, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ дешеваго кредита, нѣтъ такихъ условнн жизни, чтобы можно было сказать кому либо: только ты самъ виноватъ, что не исправленъ!

Вотъ вникать въ эти обстоятельства и долженъ судъ (скорѣй и правый), но чѣмъ и слѣдуетъ ходатайствовать для соотвѣствующаго измѣненн статьи гор. положенн 1892 года. Пока же это ходатайство не осуществится, необходимо расширить функцн коммиссн по сложеннн недоимокъ, давъ ей право и по взысканн недоимокъ, чтобы дѣло взысканн не покоилось на бюрократизмѣ, которое свило себѣ прочное гнѣздо и въ нашѣмъ городскомъ управленн. Да иначе не можетъ быть: наша буржуазная дума не можетъ понять и войти въ положенн несчастнаго бѣднаго люда.

Наконецъ и въ самомъ размѣрѣ обложения есть дефекты; быть можетъ теперь пора (въ 1897 г. было отменено) ввести пропорцнональное обложение сборомъ пропорцнональнымъ съ фактическимъ учетомъ расходовъ по имѣнн, которые въ настоящее время значительно измѣнились противъ предыдущихъ лѣтъ.

Вотъ эти то всѣ вопросы и надлежитъ заблаговременно разрѣшать, не ожидая петнн и разоренн бѣдняковъ!

Если гор. головъ много теперь работы съ разными текущими вопросами, то для своихъ городскихъ дѣлъ надо образовать коммиссю и поставить во главѣ ея заступающаго гор. голову, чтобы въ самой-то управѣ дѣла не застывали и не мариновались.

Бывшн Гласный.

Какъ аукнется, такъ и откликнется.

Вопросъ о реорганизацн юрисконсультой части городского управленн все еще стоитъ на очереди нашей думы. Финансовая коммиссия оставила открытымъ этотъ вопросъ вперѣ до разсмотрѣнн смѣты расходовъ 1905 года, вперѣ до реорганизацн штатовъ управы и... вперѣ до распредѣленн работы между членами управы... Связавъ все вмѣстѣ, коммиссия оставила двери открытыми.

Entrons!... Allons citoyens avec nous!... Въ открытыя двери легко и ломиться.

У гг. городскихъ юрисконсультовъ въ году 500 дѣлъ. Ихъ два—ош, да помощникъ... Ошъ получаетъ 1500 р., помощникъ—1000 р. въ годъ плюсъ судебныя издержки. Регулярное вознагражденн въ 2500 рублей эти юристы получаютъ за то, чтобы вести городскн дѣла.

Положенн юрисконсультовъ вообще не завидное во всѣхъ учрежденнхъ, а въ городской управѣ въ особенности. Тутъ на юрисконсультовъ возлагается очень тяжелая обязанность и отвѣтственность. Отвѣтственность передъ управой, думой, печатью и обществомъ!

Къ городскому архитектору заказчики идутъ охотно. Онъ можетъ сдѣлать все возможное, облегчатъ хлопоты по сооружаемой постройкѣ, упрощитъ ее... сдѣлать кое гдѣ попустительствомъ и чѣмъ у него болѣе заказчиковъ, тѣмъ онъ болѣе набьетъ руку.

Другое дѣло городской юрисконсультъ. Чѣмъ болѣе у него дѣло по своей специальности, городскихъ, тѣмъ онъ болѣе вымываетъ изъ адвокатскаго круга и адвокатской колегн.

Если разрушится домъ спроектированный городскимъ архитекторомъ, обыватель только промчатся, если проиграетъ процессъ городской юрисконсультъ—обыватель доволенъ, такъ какъ всѣ проигрыши въ его пользу. О коллективной пользѣ пока думаютъ не всѣ.

Слѣдовательно, идти на службу города, да еще давать подписку о томъ, что не будешь вести частныхъ дѣлъ, даже если у тебя 4—5 помощниковъ присяжныхъ поваренныхъ, это значитъ сбѣгать съ кругу и обречь себя на прозябанн. Хорошаго юриста ни за какнн деньги не купить на это.

Дѣло въ томъ, что городскому юрисконсульту и дѣла то даютъ ужасныя по содержанн... Это дѣла, болѣею частью или же выброшенныя думой за борть, при чѣмъ дума варна или же всякаго заключенн своего юрисконсульта (ну, хотя бы дѣла—временныя арендаторовъ, унесшихъ въ общемъ у города 40—50000 рублей), или грошевыя, но тяжелыя дѣла о захватчикахъ городскихъ земель допотопнаго перода!

Въ то время какъ частное лицо, отыщется, подкрѣпляетъ свои объясненн десяткомъ свидѣтельскихъ показанн, или ссылками на опредѣленн думы и договоры, заключенные а posteriori... Представитель же обвиненн или истецъ, городской юрискон-

суть, является „без никому“ и молить мирового судью отложить дело!

Часто юрисконсульты прямо таки беззащедно опускают руки, например, отсылая арестные деньги съ N; этот N предвывает суду квитанцию въ получении некихъ денег...

— Квитанция? Когда... кто принялъ деньги?

— Да я прозрелъ—разъяснил... въ управл!

Институтъ „юрисконсульты“, къ сожалѣнью, утратилъ свое древнее значеніе, каковы быль онъ въ Римѣ, въ этомъ отношеніи развитіе законовъ. Юрисконсультъ долженъ данать свои заключенія по вопросамъ права, въ данномъ случаѣ—городского хозяйства, какъ юридическаго лица. Все проекты договоровъ и въ согласенія города съ частными лицами, все возбуджаемая халатяства должны проходить черезъ заключенія юрисконсульта. Такъ-ли дѣлается въ нашей думѣ?!

— Нарушены ли въ данномъ случаѣ интересъ города?

— Да или нѣтъ... вотъ отвѣтъ юрисконсульта и присутствіе его необходимо и у стола управы и въ засѣданіи думы. Какъ въ судебной палатѣ... прокуроръ.

А защита дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ—дѣло живое, скорое, быстрое. По существу дѣла и защита: оному рубль, оному два, а оному и сотни.

А кабинетный адвокат—какой бы оклады ни получалъ, если его оторвать отъ живого дѣла—будетъ чиновникъ и вес.

Юриста-швили.

Б а н у.

У сенатора Кузминскаго *).

— Возложена на меня миссія,—сказалъ мнѣ сенаторъ А. М. Кузминскій,—не можетъ быть рассматриваема какъ обычная сенаторская ревизія, выражающаяся въ личномъ и ближайшемъ ознакомленіи съ состояніемъ правительственныхъ учреждений, дѣятельности или бездѣятельности вѣдомственныхъ чиновниковъ. Моя задача—болѣе сложная, программа болѣе обширная. Если хотите, это, собственно говоря, не ревизія, а скорѣе научно-общественное изслѣдованіе и отысканіе всѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ разыгрались кровавыя февральскія событія, взволновавшія весь міръ.

Для того, чтобы дать правдивый отвѣтъ на ужасныя событія, мало еще ограничиться чисто фактической стороной дѣла, указавшемъ ближайшія причины, обнаруженіемъ истинныхъ виновниковъ и изслѣдованіемъ дѣйствій администрации, начиная отъ вѣснаго лица въ губерніи и кончая послѣднимъ городскимъ. Я задаю себѣ изучить, помимо всего вышне сказаннаго, всѣ области мѣстной жизни, въ особенности—отношенія одной національности къ другой, экономическое, правовое положеніе населенія и, насколько будетъ возможно, ознакомиться съ политическимъ движеніемъ въ краѣ, привившимъ здѣсь значительные размѣры.

Вотъ только при наличности всѣхъ этихъ данныхъ и можно будетъ сказать, какия общія причины вызвали бакинскую рѣзню: дѣйствія-ли администрации и полиціи, экономическое неустройство, національная-ли и племенная рознь, политическая пропаганда и т. п.

Совершенно напрасно думаютъ, что для изслѣдованія событій я намѣренъ пользоваться исключительно административными органами. Съ перваго же момента я предоставляю широкую возможность участія въ поискахъ истиннымъ общественнымъ элементамъ, и каждому обывателю предоставляю говорить правду, безъ риска пострадать за это. Я принимаю, вслушиваю ежедневно десятки мирныхъ обывателей, показанія или рассказы которыхъ имѣютъ для меня важное значеніе. Помимо

словесныхъ объясненій я пользуюсь для своей работы многочисленными докладными записками, петиціями и заявленіями разнообразнаго характера, поступающими какъ отъ отдельныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ учреждений и корпорацій.

— Въ какомъ положеніи сейчасъ находится работа?

— Только сегодня мною командировано нѣсколько чиновниковъ во всѣ уѣзды губерніи для ревизіи полицейскихъ управленій, суда и всѣхъ крестьянскихъ учреждений. Продолжается самое строгое, самое серьезное разслѣдованіе дѣйствій мѣстной высшей администрации и полицейскихъ чиновниковъ по предупрежденію и подавленію рѣзни, а также изслѣдуются отношенія полиціи къ населенію. Предприняты работы въ области изслѣдованія экономической жизни и положенія рабочихъ, особенно на нефтяныхъ промыслахъ. Начата ревизія городского общественаго управленія, обнаружившая уже значительные дефекты. Выясняются нелѣпности общественаго значенія условія перехода промышленности и земельныхъ участковъ изъ однихъ рукъ въ другія, раскрываются нѣкоторыя нежелательныя явленія. Изучаются отношенія мусульманъ и армянъ между собою и, наконецъ, политическое и революціонное движеніе въ краѣ.

— Уже по тѣмъ даннымъ, которыя намъ удалось добыть въ теченіе перваго мѣсяца работы,—продолжалъ сенаторъ,—и имѣю возможность предположить, что бакинское бѣдствіе не явилось слѣдствіемъ какой-либо одной, рѣзко очерченной, причины. Скорѣе всего, эти ужасы разыгрались подъ вліяніемъ цѣлага ряда причинъ. Здѣсь, какъ уже достаточно выяснилось, мы имѣемъ дѣло, во-первыхъ, съ дефектами административной власти и бездѣятельностію полиціи, результатомъ чего явились столь обширные размѣры бѣдствія; затѣмъ громадную роль сыграли отношенія между татарами и армянами: первые считаютъ себя коренными жителями, а армяны пришлыми; между тѣмъ въ рукахъ послѣднихъ оказались капиталы и богатѣйшія предпріятія, какъ и экономическое преобладаніе. На этой почвѣ заимости отъ армянъ и сложились дурныя отношенія. Съ возможностью можно сказать о роли антиправительственныхъ элементовъ, о тайной пропагандѣ къ революціоннымъ дѣйствіямъ, также имѣвшимъ вліяніе на февральскія событія.

— Когда приблизительно закончится ревизія?

— Думаю, что не раньше августа.

— Можно-ли рассчитывать, что ваши труды сдѣлаются достояніемъ общества?

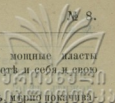
— Конечно я, по крайней мѣрѣ, буду ходатайствовать объ оглашеніи хотя бы части нашихъ разслѣдованій...

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Телеграфъ принесъ вѣстіе о смерти Бакинскаго губернскаго кн. Нахичидзе. Съ глубокимъ сожалѣніемъ отмѣчаемъ печальный фактъ, жертвой котораго палъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей нашего края. По нашему мнѣнію это событіе можетъ въ будущемъ совершенно измѣнить характеръ и направленіе миссіи сенатора Кузминскаго, не говоря уже о томъ, что оно инакъ безвременно погубило губернатора возможности реабилитировать себя отъ тѣхъ тяжелыхъ обвиненій, которыя являлись на него по поводу бакинскихъ событій не только лицами такъ или иначе въ событіяхъ этихъ заинтересованными, но и такими, на безпристрастіе которыхъ, казалось, всегда можно было рассчитывать. Мы думаемъ также, что событіе это не только не внесетъ единенія и братства въ среду различныхъ національностей, населяющихъ Кавказъ, а наоборотъ—можетъ явиться новой и весьма опасной прергадой въ этомъ, столь желательномъ и необходимомъ дѣлѣ.

*) Русское Слово 5 мая.

Театр и Музыка.

(Грузинская опера).

«Севильский Цирюльник» на грузинском языке!
 Не так давно это вызвало бы только усмешку.
 Или еще, пожалуй, и того хуже, — обидное замечание: «чужуха»!
 — Гдѣ у нас силам!.. Объ этом можно радоваться только мечтательно.
 А мечта, между тѣмъ, осуществлялась.
 Вы знаете, въ какомъ настроеніи въ понедельник публика вошла въ Артистическое общество?
 Большинство шло поздравлять...
 Это забавно! Интересно, что изъ этого выйдет...
 Меньшинство странноюло. А вдругъ скажила, — провалитъ!
 Что тамъ за сила?
 Въ общемъ, почти въ отоснашеніи скептически.
 Еше-бы!

Грузинъ къ своему всегда особенно скептически и критически относится, а чужимъ восторгается, даже черную мѣру.
 Не знаю, быть можетъ въ томъ новинно традиціонное широкое гостеприимство!..
 Проходитъ первое дѣйствіе.

Въ чудный разговор:
 — А, знаете, ничего!
 — Мнѣ нравится!
 — Представьте, я никакъ не ожидалъ...
 — А я какъ болелъ, думала оскандалится, а представьте, пока очень даже не душно.
 И пошла дальше все *crescendo* и *crescendo* въ этомъ смейся.
 И публика, пришедшая на забаву, скептически настроенная, была побеждена.

Была побеждена искренностью и задушевностью, горячимъ желаніемъ внести посильную лепту въ родное искусство.
 Я лично про исполнение ничего не скажу.
 Музыку хоть и очень люблю, но люблю только слушать ее.
 Судить-же и критиковать... никакъ, профанъ полнѣйшій.
 Да въ судности для насъ въ данномъ случаѣ непониманіе отсутствовало на второй планъ.
 Мы не въ правѣ сейчасъ предъявлять серьезныя техническія требованія...
 Ибо это любители, это п е р в а я , правильно поставленная грузинская опера.

При томъ гениальнѣйшая опера и очень трудная для исполненія, но крайней мѣрѣ такъ говорить знатоки музыки.
 Для насъ важенъ самый фактъ.
 Важно отмѣтить, что разъ началось пробужденіе, то оно должно идти во всю.
 Надо потапливаться во все стороны.

То искреннее воодушевленіе, которое замѣчалось у исполнителей, ихъ горячее желаніе честно послужить родному дѣлу, общій подъемъ духа, способствовавшій колоритной передачѣ жанровой стилистики, полной неподходящаго юмора оперы, заставили забывать техническія недочеты исполненія, отодвинули на задній планъ суровыя требованія истинныхъ зрельцовъ музыкальнаго искусства.

Въ сущности говоря, значение всякаго художественнаго произведенія, художественнаго исполненія должно оцениваться, прежде всего, сообразно тѣмъ чувствамъ, или дѣлу, тому настроенію, которое въ насъ они вызываютъ.

А настроеніе отъ грузинскаго «Севильскаго Цирюльника» было оживляющее, бодрое, приподнятое.
 Надежда проглядывалась въ душѣ, сперва робкая, а съ дальнѣйшимъ ходомъ оперы все крѣпче и крѣпче, а съ спектакля ми ушли съ глубокой увлеченностью, кто и дѣсь грузины могутъ сделать многое.

Нужно только работать, работать и работать...
 Вотъ въ этомъ отношеніи я долженъ сказать, что исполнители честно и благородно отнесены къ своей задачѣ.
 Нужное былъ понять, начало, и при энергичномъ отношеніи, при желаніи — остальное все само приложится. Техника и силы явятся, въ нихъ недостатка не будетъ.

Грузинъ — музыкальный народъ.
 Роскошная природа красавицы Грузин, съ ее чудными долинами и могучими вершинами, ее поля, покрытая изумрудной зеленью и разнообразными коврами полевыхъ цвѣтовъ, быстрая рокошная горная рѣчка, охотничьи горы, перепадающае на разные лады, не могли не пробуждать въ душѣ впечатлительнаго и живого грузина чувство прекраснаго, чувство гармоніи.

И онъ пѣлъ, воспѣвая славу Творца въ дивныхъ твореніяхъ Его.
 Онъ пѣлъ на вершинахъ неприступныхъ горъ, любящихъ открывающуюся дивной панорамой, сызвая разбродившея по лощинамъ горъ стада.

Онъ пѣлъ за тяжелымъ плугомъ, открывавшимъ лопачею дачи плодородную землю, пѣлъ, подбадривая въ тяжелой работѣ себя и свою скотину.

Онъ пѣлъ въ трубу, тендуку, ясеную дудинку по вечерамъ, когда шелъ дождь на окрѣпшую ариду.

Подъ сонными лиричными грозами виноградной лозы, подъ стѣною гигантской чинары къ орѣху, въ освѣжающей прохлаждѣ гнѣвнатога «марані», источникъ животельной влаги, въ уединенной и спрятанной въ лесу скалѣ, у колодезя, будучи оперы и надежды — сына, пѣлъ грузинъ и грузинка свои задушевныя, за душу хватающія, радостныя, веселыя и бравадные дѣсны.

Грузинъ поетъ и теперь, не смотря на плачевное состояніе своей родины, не смотря на позланищеніе, на экономическій гнетъ, скованный его крѣпкими узами.

У такого народа музыкальнымъ даромъ всегда есть и богатство.
 Не нужно только зарывать въ землю свои таланты. Да!.. у грузинъ теперь опера...

Скажу отъ души поблагодарить тѣхъ, кто позволилъ начать ирскрашному родному дѣлу, среди нихъ, конечно, нельзя пройти молчаніемъ талантливаго первооткрывателя.
 Въ Грузинскій текстъ прекрасно гармонировать съ чудной музыкой. Ни искаженій словъ, ни натяжекъ, извращающихъ смыслъ ми не замѣтила.

Оперный языкъ звучалъ прекрасно.
 Въ заключеніе надо отмѣтить замѣчательное историческое совпаденіе.

Первую грузинскую драму открылъ бывшій наместникъ Кавказа князь Воронцовъ, подл просвѣщеннымъ сочувствіемъ, котораго грузинскій театръ сталъ на ноги.

Первую грузинскую оперу изволилъ посѣтить новый Намѣстникъ Кавказа князь Воронцовъ-Дашковъ, и въ этомъ нельзя не видѣть большого вниманія со стороны правителя края къ нарождающейся оперѣ на грузинскомъ языкѣ.

Историческія параллели и совпаденія иногда очень замѣчательны и полезны.

Очень прошу учиться въ настоящемъ.

Г. Г — овъ.

Жадо полагать:

(Шутки).

Что армянскіе „петиціонеры“ со своимъ лейога-органомъ „Мишакомъ“ въ заселеніи черноморскаго побережья туземнымъ и русскимъ элементомъ видятъ и историческую несправедливость, а широкую раздѣчку въ тѣхъ-же мѣстахъ надълювъ армянскимъ вѣлчанамъ изъ Туринъ признаютъ актомъ величайшей мудрости, „культурничаніи справедливостью“.

Что во виду моральной асыкумо грузинскому начину зрѣловской морали — „кто въ лесъ, кто по дрова“, первая грузинская опера будетъ... и послѣдняя.

Что къ тѣмъ чиннымъ лаврамъ „даситовъ“ (тожь „Мозаури“) само собою влѣстаетъ пахучій букетъ изъ приятельной солидарности съ ультра-буржуазнымъ „Мишакомъ“.

Что отнынѣ редакціи грузинскихъ профессиональныхъ газетъ „на всякій случай“, по примыру лоріскаго дворянства, мобилизуются и заслѣдуютъ въ неприступныя цитадели и будутъ палить изъ мишакельскаго.

Что непризнанные пѣвцы и затѣвалы изъ „Мишакъ“ и „Дюбосъ-Пурисинъ“, такъ долго и фальшиво распѣвающіе на самыхъ высокихъ нотахъ дуэтъ „союзъ до проба“, наконецъ таки, не выдержавъ, сорвались, по-

чему и затянули теперь каждый отдельно, „ахъ ты измѣнникъ, душесубъ“:

Что всегда любезно—корректный А. Калантаровъ „во имя справедливости“ откажется отъ туманчато прозвкта Г. Т. изъ „Новой Обзорной“—выдѣлитъ изъ Тифлисской губернии три уѣзда—и „очень просто“ создастъ въ Сухумскомъ округѣ армянскую губернію „съ однороднымъ сплошнымъ населеніемъ“ изъ „несчастныхъ табаководовъ“, „временно пріютившихся“ „на свободныхъ земляхъ“ въ количествѣ 40,000 душъ въ юстепріимной Грузіи.

Скѣнь.

Письма въ редакцію.

1.

М. Г., г. Редакторъ!

Въ № 65 „Нов. Об.“ г. Г. Т. предлагаетъ свое особое дѣленіе на избирательные уѣзды въ будущемъ избирательномъ собраніи. Это дѣленіе мнѣ кажется, весьма приваѣтительно, въ особенности по отношенію къ уѣздамъ Казахскому и Борчалинскому. Насколько известно изъ исторіи, эти уѣзды еще до присоединенія Грузіи къ Россіи были провинціями грузинскаго царства (Борчалу, Казахъ и Шамшадли); затѣмъ, вмѣстѣ съ Грузіей они вошли въ предѣлы русскаго государства, а впоследствии вошли въ составъ Тифлисской губерніи. Судя по некоторымъ даннымъ, какъ мнѣ кажется, забыта исторія имѣе переселенческихъ провинцій. Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, съ образованіемъ Елизаветинской губерніи, Казахскій и Шамшадлинскій уѣзды, составивъ одинъ уѣздъ, вошли въ ея предѣлы. Если обратить вниманіе на составъ народонаселенія въ этихъ уѣздахъ, то мы увидимъ, что соотношеніе народностей, населяющихъ эти уѣзды, тоже не говоритъ въ пользу того дѣленія, которое предлагается въ № 65 „Нов. Об.“. Жителей въ Казахскомъ уѣздѣ всего 84,708 чел., изъ которыхъ мусульманъ 50,000 ч., русскихъ 1,687 ч. и армянъ 33,118 чел. Въ Борчалинскомъ уѣздѣ всего 101,872 чел., изъ коихъ армянъ 37,832 чел., мусульманъ 33,903 чел., грековъ 18,786 чел., русскихъ 6,024 чел., грузинъ 4,149 чел. и ижемъ 1,578 чел.

Следовательно, эти уѣзды ни въ территориальномъ отношеніи, ни по народонаселенію не могутъ и не должны подходить подъ предлагаемый проектъ г. Г. Т. въ № 65 „Нов. Об.“.

БОРЧАЛИНЕЦЪ.

II.

М. Г., г. Редакторъ!

Насколько мнѣ известно, мы, кавказцы, всегда жалеваемъ, что у насъ на Кавказѣ земли мало и что ея не хватаетъ коренному населенію края, и потому несправедливо пускать на Кавказъ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній Россіи. Совершенно справедлива идея, что не надо смѣрять на коренныхъ кавказскихъ туземцевъ, какъ на пасынковъ Россіи, и что надо сначала удовлетворить необходимымъ земельнымъ надѣломъ мѣстное населеніе. Что-же оказывается? Армяне, подавая петицію, въ 18 штукъ ея просятъ надѣлить въ Закавказья землемъ армянъ-выходцевъ изъ Турціи. Я-бы хотѣлъ поставить въ извѣстность составителей петиціи, что недавно мусульмане въ некоторыхъ селѣхъ, гдѣ они жили на казенной землѣ очень продолжительное время, были выселены (администрація и управленіе государственными имуществами это знаютъ) и что они нуждаются въ землѣ, что называется, до зарѣка. Вообщемъ намъ, мусульманамъ, хорошо извѣстно, что безземельныхъ нашихъ единоверцевъ въ Закавказья очень много, о нихъ-то намъ и надо подумать. Да развѣ только мусульмане терпятъ отъ недостатка землѣ? Стоитъ только взглянуть на другія національности населенія края и мы убѣдимся, что много коренныхъ грузинъ, армянъ страдаютъ отъ того-же. Какъ-же мы, неудовлетворивъ ихъ нужды, хлопочемъ о выходцахъ изъ Турціи? Если-же свободной землѣ на Кавказѣ такъ много, что мы въ достаточной мѣрѣ надѣליםъ его аборигеновъ можемъ еще предложить выходящимъ изъ другого государства, то затѣмъ было поднимать вопросъ о переселенцахъ изъ внутреннихъ губерній? Насколько мнѣ извѣстно, губерній, гдѣ живутъ преимущественно мусульмане—настолько густо населены, что удовлетворивъ ихъ необходимыми земельными надѣлами, едва-ли останется свободная земля для выходцевъ изъ Турціи.

МУСУЛЬМАНИНЪ.

Редакторъ-издатель Г. С. Эсадзе.

Объявленія.

Вновь открытая

ТИПОГРАФІЯ

Товарищества „ТРУДЪ“

Тифлисъ, Фрейлинская ул. № 5.

Пріемъ всевозможныхъ типографскихъ работъ на русскомъ, грузинскомъ и армянскомъ языкахъ.

Исполненіе быстрое и аккуратное.

Типография принимаетъ также всевозможныя переплетныя и линейныя работы.

Складъ часовъ Юліусъ Гене

Дворцовая ул., д. Грузинскаго дворянства.

Получены часы высшаго достоинствѣ „ОМЕГА“, а также и другаго всемірно извѣстной фабрики „ГЕНЕ“, гдѣхъ лучшихъ швейцарскихъ фабрикъ какъ: Ланжинъ, Вореаль, Бадолле, Мозеръ, Гризель, Одемаръ и др.

Постоянно имѣются въ большомъ выборѣ всевозможныя стѣнные и столовые часы.

Стѣнные, круглые, двухдѣльные часы съ боемъ отъ 9 р.

Стѣнные „РЕГУЛЯТОРЪ“ двухдѣльные съ боемъ отъ 10 р.

Складъ принимаетъ также и всякаго рода починку часовъ, которая исполняется скоро и аккуратно.

Цѣны на всѣ товары крайне умѣренныя.

7—3

ДЕПО

Мельхиоровыхъ и нагляднаго серебра издѣлій, а также изъ серебра 84 пробы, АКЦИОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА

Варшавскихъ металлическихъ фабрикъ подъ фирмою

Жорблихъ, Бр. Бухъ и М. Вернеръ,

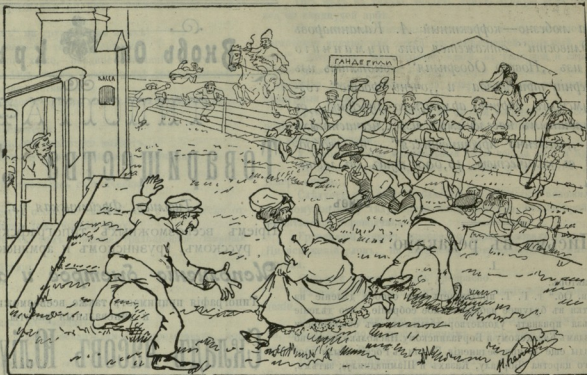
въ Тифлисъ. 4—3—3

Школа, паксіонъ и дѣтскій садъ Бугаевской-Эристовой

Куки, Александровская ул., д. зн. Везирова № 27.

Принимаетъ учениковъ паксіонерами, полупаксіонерами и приходящими и подготавливаетъ въ младшіе классы средне-учебныхъ заведеній. Преподаютъ также новые языки и музыка. 8—3—3

Фуникулеръ.

Волчьи ямы и проволочныя загражденія.

Тифлисъ.

Городской обыватель и налоги.